

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

**Уральский гуманитарный
институт**

В. А. МЕДВЕДЕВ

ТЕОРИЯ МОРАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

В. А. Медведев

ТЕОРИЯ МОРАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Учебное пособие

Рекомендовано методическим советом
Уральского федерального университета в качестве учебного пособия
для студентов вуза, обучающихся по направлению подготовки
47.03.02 «Прикладная этика»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета

УДК 17.0(075.8)
ББК Ю70я73-1
М42

Рецензенты:

кафедра теории и социологии управления
Уральского института управления — филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
(заведующий кафедрой доктор социологических наук,
доцент *А. С. Ваторопин*);

И. Я. Мурзина, доктор культурологии, профессор
(ООО «Институт образовательных стратегий», г. Екатеринбург)

Медведев, В. А.

М42 Теория моральной аргументации : учебное пособие / В. А. Медведев ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : — 102 с. — Библиогр.: с. 82–84. — 30 экз. — ISBN 978-5-7996-3446-9. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3446-9

Учебное пособие является частью учебно-методического комплекса одноименной дисциплины и посвящено изучению многомерного социокультурного феномена моральной аргументации: рассматриваются генезис и особенности проявления данного феномена в мышлении и речи человека на различных стадиях культурно-исторического процесса, ценностные основания моральной аргументации в конкретных условиях реализации нравственных отношений, анализируются практические решения моральных дилемм.

Для студентов гуманитарных специальностей и всех интересующихся данной тематикой.

УДК 17.0(075.8)
ББК Ю70я73-1

ISBN 978-5-7996-3446-9

Оглавление

Предисловие.....	5
Введение.....	7
Глава 1. Особенности моральной аргументации.....	10
1.1. Критерии рассмотрения моральных и этических суждений.....	10
1.2. Парадоксы моральной аргументации.....	11
1.3. Моральная аргументация: основные характеристики.....	14
Глава 2. Моральная аргументация как многомерный социокультурный феномен.....	18
Глава 3. Зарождение теории и практики моральной аргументации в эпоху Античности.....	26
3.1. Культурно-исторический контекст возникновения феномена.....	26
3.2. Софисты: истоки риторической практики.....	27
3.3. Сократ: актуализация морально-нравственного содержания риторической практики.....	31
3.4. Аристотель: превращение риторики в теоретическую дисциплину.....	33
3.5. Вклад Древнего Рима в развитие моральной аргументации.....	35
3.6. Место моральной аргументации в культуре античной греко-римской цивилизации.....	36
Глава 4. Эпоха Средневековья: институционализация морали.....	39
4.1. Религиозная цивилизация: социокультурный контекст развития моральной аргументации.....	39
4.2. Место моральной аргументации в развитии религиозного сознания средневекового человека.....	42

4.3. Особенности церковно-богословского красноречия.....	43
Глава 5. Эпоха Возрождения и Нового времени: формирование качественно нового субъекта аргументации.....	46
5.1. Эпоха Возрождения: начало перемен.....	46
5.2. Новое время: скачок в развитии.....	48
5.3. Условия развития моральной аргументации в эпоху Нового времени: новые векторы развития риторической практики.....	50
Глава 6. XX–XXI века: современные тенденции и ориентиры развития предметной области.....	54
6.1. Эпоха «бури и натиска».....	54
6.2. Современные тенденции развития моральной аргументации.....	57
6.3. Моральные дилеммы как фокус актуализации проблем моральной аргументации.....	58
6.4. Развитие моральной аргументации в информационную эпоху.....	59
Глава 7. Моральная аргументация: между универсальными и контекстуальными способами обоснования.....	62
7.1. Универсальные и контекстуальные способы обоснования.....	62
7.2. Аргументы к традиции и авторитету как основа моральной аргументации.....	63
Темы, задания и вопросы для семинаров.....	66
Темы и задания для домашних работ.....	77
Примерные вопросы для экзамена.....	80
Список рекомендуемой литературы.....	82
Приложение. Примеры выполнения самостоятельных работ.....	85
Пример 1.....	85
Пример 2.....	89
Пример 3.....	92
Пример 4.....	96

Предисловие

Учебное пособие включает в себя теоретическую часть, состоящую из семи глав, задания для самостоятельной подготовки (семинары, домашние работы), примеры выполнения самостоятельных работ студентами направления «Прикладная этика» и список рекомендуемой к изучению учебной и научной литературы.

В теоретической части пособия обсуждаются особенности и структура моральной аргументации как многоуровневого феномена культуры, встроенного в процессы воспроизводства и развития культурного опыта в качестве одного из механизмов обеспечения общественной солидарности. В этом отношении важно понять, какие социокультурные функции выполняет данный феномен. Почему именно аргументация, почему именно такая аргументация? Что она дает? Как осуществляется процесс трансляции опыта аргументации? И в то же время как в процессе приобретения подобного опыта происходит усвоение нравственных ценностей, распознавание моральных норм? Каким образом родители передают этот опыт детям? Как примеры и объекты моральной аргументации отражаются в сознании личности? Эти вопросы формулируются в 1-й и 2-й главах и потом уже на культурно-историческом материале более подробно раскрываются в остальных главах пособия. При этом большое внимание уделяется осмыслению генезиса моральной аргументации в истории культуры. Как данный культурный феномен вписывается в тот или иной социокультурный контекст, каким образом он проявляется в структуре культурного кода цивилизации, на уровне структурообразующих моделей освоения, воспроизводства, развития культурного опыта больших

исторически сложившихся сообществ людей? Этим вопросам посвящены 3–5-я и отчасти 6-я глава.

Наконец, в главе 7, заключительной, рассматривается та роль, которую социокультурный феномен моральной аргументации играет в жизни современного человека, а именно то, как мы несем его по жизни, каким образом «передаем» из рук в руки, как применяем его в процессе выстраивания межличностных и общественных отношений.

В практической части пособия содержатся задания для семинаров и выполнения домашних работ. Благодаря этому студенты имеют возможность дополнить свои теоретические представления о предмете обсуждения практическими навыками анализа используемых людьми в повседневной жизни и общественной практике моделей морально-нравственного обоснования поступков, решений, стратегий поведения, навыками распознавания моральных дилемм, социокультурных противоречий и поиска этически адекватных способов их решения.

Таким образом, учебное пособие, будучи рассчитанным в первую очередь на учебно-методическое сопровождение работы студентов в рамках одноименной учебной дисциплины, в то же время подходит и для самостоятельного освоения читателями предмета изучения.

ВВЕДЕНИЕ

Обращаясь к теории моральной аргументации как самостоятельному предмету обсуждения, необходимо прежде всего отметить: если понимать теорию как сформировавшуюся систему знаний, представленную в виде строго согласованных понятий, суждений и умозаключений, выражающих законы или хотя бы закономерности, устойчивые связи явлений в определенной сфере жизни или, шире, части мироздания, то такой теории моральной аргументации не существует. Однако под теорией также понимают размышления по тому или иному вопросу и, в частности, по поводу моральной аргументации, т. е. осмысление самого процесса моральной аргументации и обсуждение тех исследований, которые этому процессу посвящены. В этом смысле теория моральной аргументации есть, и представлена она множеством исследований, которые напрямую или опосредованным образом связаны с данной проблемной областью.

Соответственно в рамках данного пособия под теорией моральной аргументации будет пониматься теоретическая и методологическая работа, направленная на осмысление и систематизацию того материала и тех дискуссий, которые связаны с феноменом моральной аргументации.

Далее, моральная аргументация как феномен допускает двоякую трактовку. Во-первых, это развитие, отстаивание и обоснование так называемого «морального аргумента» (англ. *moral argument*), под которым традиционно понимается уходящая своими истоками в эпоху Античности работа исследователей над рациональным

обоснованием морали. Это традиция исследований, посвященных проблеме соотношения морали и рациональности. Во-вторых, это неотъемлемая составляющая мышления и деятельности людей, заключающаяся в ценностном оправдании, обосновании поступка, осуществляемого человеком выбором, действия.

С одной стороны, это два разных понимания, а с другой — два слоя существования одного и того же феномена, каждый из которых при этом включает в себя еще и дополнительные «прослойки». Другими словами, моральная аргументация — феномен многослойный. И это определяет его сложность и неоднозначность, его богатство и содержательность как объекта исследования. Моральная аргументация разворачивается в широком диапазоне процессов, начиная с уровня нравственной интуиции, зарождающейся где-то на грани «бес- (или пред-) сознательного», и вплоть до уровня метаэтической рефлексии по поводу концепций, обосновывающих рациональность или иррациональность морали. Визуально это допустимо представить в виде нижнего и верхнего коржей торта, между которыми находится еще множество слоев, хорошо промазанных кремом и имеющих самую разнообразную начинку. И задача курса заключается в том, чтобы «распробовать» этот культурный феномен во всем богатстве его содержания, понять, из чего он состоит и как связаны его составляющие между собой, какие послевкусия они рождают и как влияют на взаимодействие с другими феноменами культуры на том или ином этапе ее развития.

Наконец, с точки зрения профессиональных задач, стоящих перед прикладным этиком, эта тематика интересна постольку, поскольку ему необходимо понимать, чем руководствуются люди, совершая тот или иной поступок, выбирая ту или иную линию поведения, что представляет собой когнитивная основа мотивационной структуры деятельности человека, что происходит у него в сознании, когда он совершает выбор в пользу определенного поступка, как соотносятся между собой нравственные ценности человека и осуществляемые им действия, разные уровни его мышления и деятельности. Знание этих механизмов позволяет решать практические задачи, стоящие перед прикладным этиком: формировать модели поведения, способствовать развитию

нравственных ценностей, общественной солидарности, развивать мотивационную сферу, менять нравственный климат коллектива, сопровождать процессы трансформации моральных норм и, что самое главное, отдавать себе отчет в том, что и для чего он делает, каковы последствия его действий, а также какова мера его профессиональной ответственности.

Глава 1

ОСОБЕННОСТИ МОРАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

1.1. Критерии рассмотрения моральных и этических суждений

Для того чтобы анализировать тот или иной материал, т. е. разделять его на части, составляющие, «раскладывая последние по полочкам», выявляя связи, скрепляющие эти части в единое целое, осмысливая в этом процессе скрытое от поверхностного взгляда устройство объекта рассмотрения (структура, движущие силы, механизмы функционирования и развития), необходимо для начала сформировать «стеллаж», на «полках» которого разместятся выделяемые части целого, — задать критерии рассмотрения, сформировать методологическую основу анализа.

В случае обращения к критериям рассмотрения моральных и этических суждений следует прежде всего различать мораль и этику, так как они находятся на двух различных уровнях аргументации:

- мораль представляет уровень первого порядка: рассуждения о положении дел;
- этика — это уровень второго порядка: рассуждения о рассуждениях о положении дел.

На каждом из уровней имеется еще одна ступень — метаэтика и метамораль*. При чем под метаэтикой в данном случае понимается не столько исторически сложившаяся традиция (парадигма),

* См.: Клопфер М. Основы этики : учеб. пособие. М., 2004. С. 24–27.

сколько уровень анализа, который хотя и соотносится во многом с метаэтической парадигмой, но лишь опосредованным образом.

Требования морали являются побуждением к поступку. Такие требования содержат как отдельные нормы, так и общие руководства к действию, предполагают определенную позицию и вызывают к чувству долга. Они носят характер нормы (оценки).

Требования метаморали не призывают категорично к какому-либо поступку, а описывают определенное моральное поведение или моральный поступок. Они констатируют какой-либо факт, выполняя дескриптивную функцию. Метамораль занимается сравнительным описанием различных эталонов морального поведения.

Далее, в положениях этики сформулированы критерии оценки нравственности моральных норм или поступков. Они, как и положения морали, имеют нормативный характер, но не требуют в отличие от последних определенных поступков. Эти критерии определяют моральные принципы, из которых вытекают положения морали, которые побуждают человека поступать таким или иным образом.

Наконец, положения метаэтики необходимы для анализа и описания этических требований. Они соотносятся не с отдельными моральными поступками, а с понятиями, системами или этическими теориями, выполняя при этом дескриптивную функцию.

В повседневной жизни поступок и его моральная основа чаще всего совпадают. Однако для этического анализа следует различать нормативный (прескриптивный) и дескриптивный (описательный) слои. Поводом для анализа «морального» поступка зачастую становится его метаморальность. Метаморальная аргументация, которую часто путают с моральной, с этической точки зрения ничего не доказывает.

1.2. Парадоксы моральной аргументации

Своеобразие моральной аргументации связано прежде всего с тем, что в этике, в сфере нравственных отношений, используются моральные оценки и нормы, которые содержат в себе элемент парадоксальности. Моральные принципы (и, как следствие, основанные

на них оценки, нормы поведения) относятся к двойственным, описательно-оценочным (дескриптивно-прескриптивным), выражениям. Они, с одной стороны, содержат описание сферы моральной жизни, а с другой — предписывают определенные формы поведения, требуют реализации идеалов и ценностей.

Довольно часто противоречивое единство описания и предписания разрывается и моральным принципам дается однобокая интерпретация: либо дескриптивная, либо прескриптивная. На этой основе рождается большое количество споров, приводятся аргументы в пользу той или иной точки зрения. Однако есть основания полагать, что обе возникающие в результате подобного «разделения» версии являются недостаточными, редуцируют комплексный феномен моральной аргументации к неоправданно упрощенным, однобоким интерпретациям последнего. Как следствие, упускается из виду то внутренне присущее феномену напряжение, которое вызвано логической парадоксальностью подобных высказываний, их двойственной природой.

Проблема обоснования моральных принципов связана с раскрытием их двойственного, дескриптивно-прескриптивного, характера. Принцип морали подобен двуликому Янусу, будучи повернутым к действительности своим регулятивным, оценочным ликом, а к ценностям — своим действительностным (представляющим действительность), истинностным ликом: он оценивает действительность с точки зрения ее соответствия ценности, идеалу, образцу и одновременно ставит вопрос об укорененности этого идеала в действительности.

Например, идеал добра, один из базовых моральных принципов, подразумевает постановку следующих вопросов: «Правит ли миром добро? Есть ли в мире место добру? Является ли оно неотъемлемой составляющей мироздания? Рождено ли добро действительностью, и что в действительности является его источником? Добр ли ваш поступок? Достаточно ли вы добры к людям? Правит ли вами доброта?» При этом идеал добра предполагает все эти вопросы сразу. Мы одновременно и описываем, и вопрошаем, и оцениваем, и рассматриваем, и придаем значение. Это комплексное действие имеет перформативный (самопорождающий) характер, когда самим актом вопрошания

человек создает напряжение смысла, который отбрасывает тень бытия на полотно мироздания даже несмотря на то, что образ в сознании, интерсубъективный смысл и, скажем, материальный объект — это вещи, обладающие разным онтологическим статусом. Мы порождаем нечто, когда задаемся вопросом, а есть ли это нечто в действительности. Так вот, моральная аргументация и лежащие в ее основе моральные принципы носят перформативный, самообосновывающий, характер. В этом плане последовательная логическая расшифровка процесса обоснования любого нравственного принципа в конечном счете сводится к формуле «нравственным нужно быть, потому что необходимо быть нравственным», т. е. формализуется в виде логического круга, что, однако, не отменяет практической эффективности и метафизической значимости подобных положений. Более того, нравственные принципы — это основа основ общественной солидарности, следование им — условие благополучия и здоровья современного общества.

Престон Кови в работе «Моральная аргументация: теория и практика»^{*} делится с читателем чувством парадоксальности, рождающимся в рамках этического исследования названного феномена, предлагая несколько утверждений, которым моральная философия придает существенное значение, но которые в то же время, взятые вместе, звучат весьма противоречиво:

1. Моральная «истина» по сути своей относительно и субъективна. В то же самое время она имеет вполне зримое, постижимое регулятивное значение и обладает вполне осязаемыми, опредмеченными на уровне социального консенсуса свойствами.

2. То, что допустимо, может не быть истинным, а то, что истинно, может и не быть допустимым. Однако допустимость служит основным критерием и руководящим принципом в поисках истины особенно тогда, когда последняя является предметом ожесточенных дискуссий. И это при том, что категория допустимого, без сомнения, носит относительный характер.

^{*} Covey P. K. Moral Argument: Theory and Practice // KiltHub Repository of Carnegie Mellon University : [сайт]. URL: <https://kiltHub.cmu.edu/ndownloader/files/11936702> (дата обращения: 11.05.2021).

3. Категории морали (например, справедливость) по сути своей противоречивы и в то же самое время рационально необходимы, будучи краеугольным камнем большинства суждений.

4. Общие моральные принципы — предмет постоянных споров и обсуждений, что в то же время не отменяет их рационально-теоретического признания и практического использования.

5. Для моральных вопросов и моральных теорий характерна фундаментальная несводимость к единому знаменателю, и в то же время на их основе возможно существование завершенных, до конца продуманных решений.

6. Противоположные моральные суждения и ценности могут быть в равной мере оправданны и логически обоснованы. Однако в споре, будь то чисто теоретически или на практике, некоторые из нас всегда принимают одну сторону, а другие — иную.

7. Моральные суждения всегда условны. И тем не менее они вполне отчетливо фиксируются и распознаются на уровне межличностных и социальных конвенций.

8. Процесс обоснования в моральной философии носит циклический характер, что тем не менее не делает его бессмысленным.

9. Моральная аргументация в некотором весьма значимом смысле может быть безосновательной, однако от этого она не утрачивает собственной рациональности. По крайней мере, не утрачивает больше, чем любая научная дискуссия.

10. Моральная аргументация несмотря на все сказанное выше является рациональным действием, однако это один из тех видов аргументации, для которых нерациональные факторы, связанные с воображением, чувствами, имеют решающее значение.

1.3. Моральная аргументация: основные характеристики

В то время как в большинстве повседневных языковых практик описание и оценка выражаются при помощи различных высказываний, формулировки моральных принципов одновременно выражают и то и другое: они описывают, но лишь для того, чтобы эффективно

оценивать, и оценивают, чтобы адекватно описывать. Функции описания и оценки диаметрально противоположны. Однако вряд ли оправданно на этом основании приписывать какую-то особую «нестественность» значению моральных принципов. Двойственный, дескриптивно-прескриптивный (описательно-предписательный), характер имеют не только они, но и многие другие языковые выражения, включая формулировки законов науки.

Из сказанного об особенностях моральных принципов А. А. Ивин делает ряд важных выводов относительно феномена моральной аргументации в целом*:

1. Можно ли рассуждать логически последовательно и непротиворечиво о морально хорошем и плохом, обязательном и запрещенном? Можно ли быть логичным в области этики? Вытекают ли из одних моральных оценок и норм другие моральные оценки и нормы? На эти и связанные с ними вопросы отвечают логика оценок и логика норм, показывая, что рассуждения о ценностях не выходят за пределы логического: их можно успешно анализировать и описывать с помощью обычных методов формальной логики. Несколько сложнее вопрос о двойственных логических связях в описательно-оценочных выражениях, к числу которых относятся и моральные принципы.

Моральная оценка — один из видов оценки, акт выявления и обоснования моральной ценности тех или иных феноменов (поступков, намерений), из которых складывается сознательная деятельность; суждения, выражающие специфически моральное одобрение или же неодобрение этих феноменов. Суждения морали выражаются с помощью разнообразных языковых конструкций, которые, однако, могут быть сведены к двум типам: либо к формально-логической оценке «Х есть добро (зло)», либо к предписанию нормы «Должно (запрещено) реализовать Х». Различие этих суждений по логической структуре и модальности послужило источником формирования (в рамках модальной логики) двух дисциплин — логики оценок и логики норм, исследующих порознь эти суждения.

* Ивин А. А. Философия // Studme.org : учебные материалы для студентов. URL: <https://studme.org/1766060326722/filosofiya/filosofiya> (дата обращения: 11.05.2021).

2. Еще один вывод связан с разграничением этики и метаэтики. Оно было популярным в середине прошлого века, но сейчас используется все реже. Этика (нормативная) истолковывалась как система моральных норм, предписывающих определенное поведение, и считалась ненаучной и не допускающей обоснования из-за отсутствия связи моральных норм и фактов. Метаэтика (описательная этика) истолковывалась как совокупность описательных утверждений о таких моральных нормах, прежде всего утверждений об их существовании или «пребывании в силе», и трактовалась как обычная эмпирическая дисциплина.

Противопоставление прескриптивного и дескриптивного имело место в этике всегда, хотя и не в столь резкой форме противопоставления «ненаучного» и «научного». В основе противопоставления лежит двойственный характер моральных принципов: этика (нормативная) истолковывает их как чистые предписания, метаэтика — как описания или основу для них. Эти интерпретации морали односторонни и ущербны. Между двумя основными функциями моральных принципов нет четкой границы, даже контекст не всегда позволяет ее провести. Это означает, что этика (нормативная) и метаэтика (описательная этика) также не могут быть эффективно отграничены друг от друга при условии, что обе они не оказываются искусственными построениями и сохраняют связь с реальной моралью. Этика и метаэтика — два крайних полюса, между которыми движутся и к которым с разной силой тяготеют конкретные этические теории.

3. Заключительный вывод основывается на том факте, что моральное рассуждение — весьма своеобразная разновидность гуманитарного рассуждения. Моральная аргументация обычно чрезвычайно свернута, а принятие морального решения нередко выглядит как спонтанное движение души. «Далеко не все коллизии долга, а возможно, и ни одна, — пишет К. Г. Юнг, — на самом деле окажутся “разрешены”, даже если о них дискутировать и аргументировать до второго пришествия. В один прекрасный день решение просто объявится, очевидно, как результат своего рода короткого замыкания»^{*}.

^{*} Цит. по: *Ивин А. А.* Философия [Электронный ресурс]. URL: <https://studme.org/1766060326722/filosofiya/filosofiya> (дата обращения: 11.05.2021).

Свернутость моральной аргументации и морального решения объясняется тем, что их основу составляют моральные схемы, ушедшие в глубины сознания, действующие почти автоматически и не требующие размышления при своем применении. Человек, принимающий моральное решение, редко в состоянии внятно объяснить, чем именно он руководствовался и исходя из каких принципов одобрял или осуждал тот или иной способ поведения. Общие схемы морального решения, подобно законам логики, усваиваются стихийно и действуют, минуя сознание и размышление. Если такое рассуждение и приводится, оно нередко имеет к принятому решению внешнее отношение, оправдывая задним числом то, что принято независимо от него.

Именно на эту непосредственность и неразвернутость морального выбора и решения во многом опираются интуитивизм в этике, отстаивающий существование особой моральной интуиции, и сентиментализм, постулирующий наличие у человека особого морального чувства.

В процессе аргументации, касающейся моральных принципов, могут использоваться самые разные способы аргументации — от дедуктивного обоснования до обращения к моральной интуиции и традиции.

Наиболее важными из них представляются не универсальные, а контекстуальные аргументы, прежде всего аргумент к традиции и аргумент к здравому смыслу. Если мораль и держится в определенной мере на аргументации, то эта аргументация включает все возможные ее способы, а не какие-то избранные приемы, особо подходящие для обоснования морали.

Глава 2

МОРАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ КАК МНОГОМЕРНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В данной главе обобщены результаты нашей совместной работы со студентами направления «Прикладная этика» в 2020/2021 учебном году. Основой для наших рассуждений послужило предисловие Р. Г. Апресяна к сборнику научных трудов «Мораль и рациональность», в котором автор пишет буквально следующее: «Как показывают литературные опыты, по критериям рациональности оцениваются, во-первых, сами морально-философские учения, во-вторых, этико-моралистические доктрины, в-третьих, систематизированные нормативно-этические программы, в-четвертых, кодифицированные моральные системы, в-пятых, отдельные моральные формы, как то: требования, суждения, решения, поступки, в-шестых, нравственный опыт (другой вопрос, может ли быть проанализирован опыт иначе, нежели отраженный в определенных представлениях сознания). Это различие оценок может рассматриваться как выражение именно разнообразия литературных опытов или концептуальных построений. Но за ними вполне обоснованно можно усмотреть и действительную многоуровневость рациональности в морали»^{*}.

Р. Г. Апресян, по сути, демонстрирует в этом высказывании многоуровневую структуру феномена моральной аргументации, а точнее, многоуровневую структуру дискурсов проявления данного феномена в современной культуре. Но поскольку контекст размышлений автора несколько отличается от предмета нашего обсуждения (он все-таки ведет речь не о моральной аргументации,

^{*} Мораль и рациональность. М., 1995. С. 4–5.

а о рациональности морали), приводимые им примеры и особенности самой схемы анализа потребовали уточнения и конкретизации применительно к решаемым в курсе задачам. Как следствие, студентам третьего года обучения была предложена скорректированная концептуальная схема и дано задание самостоятельно привести примеры моральной аргументации на каждом уровне проявления данного феномена в современной культуре. Таким образом был сформирован методологический инструмент для анализа морально-этических рассуждений, который студенты пытались применить на практике в ходе анализа художественного произведения (см. приложение, пример 4). Ниже приведены отдельные результаты этой работы и, в частности, охарактеризованы основные уровни проявления дискурса моральной аргументации, обозначены критерии определения рациональности аргументации на каждом из уровней ее проявления и приведены наиболее интересные из предложенных студентами примеров.

Уровни проявления моральной аргументации:

1. Этические учения.

Целью этического учения является объяснение моральных феноменов. Теоретическая рациональность морали может строиться через осмысление дихотомии добра и зла, что непременно задает вопрос о том, как «производится» добро. На этот вопрос предпринимают попытки ответить многие этические теории посредством создания основанной на общей идее системы, которая представляет собой основу для логического выведения норм, принципов и ценностей.

2. Моральные доктрины.

Целью моральной доктрины является направление мышления и поведения людей в определенное русло. Доктрина определяет и объясняет поведение людей через провозглашаемые ею идеалы, ценности, установки. Этот уровень проявления моральной аргументации адаптирует положения того или иного этического учения применительно к конкретному культурно-историческому контексту.

3. Нормативно-ценностные системы.

На данном уровне этическая теория приближается уже не столько к социокультурному контексту, сколько к реальной жизни че-

ловека. Рациональное содержание нормативно-ценностных систем заключается в их соответствии условиям жизни и мышления людей. Нормы и ценности должны согласовываться с окружающей их действительностью, а также с потребностями людей и их психологическими особенностями. Положения нормативно-ценностных систем основываются на условиях жизни сообществ, в которых они реализуются.

4. Формы кодификации моральных норм и ценностей.

Нормы и ценности кодифицируются в этом случае в виде конкретных документов, положения которых принимаются целевым сообществом на добровольной основе. Для этого необходимо, чтобы кодексы, конвенции, хартии согласовывались с нормативно-ценностными системами, т. е. с теми нормами и ценностями, что уже существуют и приняты в обществе. Подобные документы должны соответствовать потребностям людей и целям, к которым они стремятся, помогать в их достижении. Кроме того, они должны также согласовываться с определенными доктринами и учениями, т. е. должны подчиняться названным выше уровням проявления феномена моральной аргументации.

5. Моральные суждения, оценки.

Моральные суждения имеют двойственный характер: содержат описание сферы моральной жизни и в то же время предписывают определенные формы поведения, требуют реализации идеалов. Для полноценной моральной аргументации эти две стороны должны пребывать в рационально согласованном единстве. Аргументация на этом уровне проводится исходя из опыта следования моральным нормам и в соответствии с определенными ценностями, правилами, принципами, лежащими в основе этических учений, моральных доктрин и нормативно-ценностных систем. Моральные суждения и оценки имеют связь с эмоциональным состоянием субъекта морали, его индивидуальной системой ценностей, личными мотивами, ценностными ориентациями, социальными установками.

6. Опыт следования моральным нормам, применения нравственных принципов, ценностей в жизни.

На данном уровне уместно вести речь, например, о «языковых играх» (в их трактовке Л. Витгенштейном), так как они максимально

вписаны в повседневную жизнь людей. Все вышеперечисленное формирует у морального субъекта определенный образ мышления, который объединяет людей со схожим моральным опытом. Следование разным моральным нормам или принципам способно породить разные «поля взаимодействия». Здесь внимание уделяется мотивам, целям и личностным качествам человека. При моральной аргументации необходимо учитывать данный аспект, так как на его основе может появиться множество разногласий между двумя логически последовательными моделями поведения. Нахождение общего языка — важный момент для моральной аргументации.

Критерии рациональности моральных и этических суждений:

1. Этические учения.

Критерии:

- приемлемость положений этического учения;
- внутренняя логическая согласованность, последовательность, непротиворечивость его теоретических положений.

Пример. Фрейдизм стремится дать психологическое обоснование морали. Феномен морали в данном этическом учении представляется защитным механизмом психики человека. Фрейдизм в соответствии с дихотомией добра и зла, присущей рациональной составляющей моральной аргументации, противопоставляет друг другу Оно, т.е. Эрос и Танатос, и сверх-Я как высшую моральную инстанцию, что порождает Я как защитный механизм вытеснения низменного и подчинения высокому.

2. Моральные доктрины.

Критерии:

- соответствие моральной доктрины лежащей в ее основе теории, этическому учению;
- соответствие моральной доктрины культурно-историческим условиям существования «целевой аудитории», т.е. то, насколько она оправданна и способна ли «выжить».

Пример 1. В христианской моральной доктрине через идею единства людей демонстрируется необходимость ограничения эгоистических мотивов деятельности. В этом проявляется специфика моральной доктрины, то, как она направляет мышление и поведение людей к милосердию, состраданию и любви к ближнему, т.е. задает

моральные ориентиры. Данная моральная доктрина отвечала культурно-историческим условиям, на которые пришелся ее расцвет. Это Средневековье, когда сформировались феодальные отношения, отличающиеся системой жестких сословных иерархических связей вассалитета и сюзеренитета и которым соответствовала христианская ценность смирения. Тогда же, во времена страшных болезней и войн, на первый план выходят идея бессмертия души и аскеза простого человека, все земное оказывается суетой, поэтому человеку необходимо сохранить «внутреннюю чистоту», а все тяжести мирские — это испытания, с которыми не нужно отчаянно бороться: их надо смиренно принимать, сохраняя при этом себя. Причем эта моральная доктрина является рационально обоснованной и выверенной, системной.

Пример 2. В основу моральной доктрины Б. Франклина положена установка человека, который всем обязан себе самому. Для этических воззрений Франклина характерен эвдемонизм — представление о том, что счастье является высшей ценностью и целью человеческой жизни. Оно заключено в труде, в способности приносить пользу обществу, в семейной жизни с добродетельной женщиной. Добродетель здесь ценна в той мере, в какой она способствует достижению счастья. Ценностью обладают также знание и самообразование. Согласно этой доктрине добродетель свойственна природе человека, тогда как всякий порок противоречит его природе. Данная доктрина отвечала запросам своего времени, а именно требованиям XVIII века, когда происходило становление эпохи буржуазного общества. Она определяла мышление человека той эпохи и стандартизировала его поведение в соответствии с гугбо определенными нормами.

3. Нормативно-ценностные системы.

Критерий: соответствие нормативно-ценностной системы реальным условиям жизни, интересам и потребностям людей, их жизнедеятельности.

Пример. Так называемая «рациональная» мораль эпохи индустриализма является нормативно-ценностной системой, в рамках которой все ценности, нормы и человеческая жизнь в целом начали перестраиваться с учетом принципов рациональности. Меняются

отношения с природой, государством, с социальными институтами. Провозглашается автономия личности, рационализируются отношения между людьми, миром начинают править факты и логическое мышление, а мифы и обычаи постепенно отходят на второй план, если не исчезают полностью. М. Вебер называл этот процесс «расколдовыванием мира», когда на место традиционной морали с лежащими в ее основе аффективным и ценностно-рациональным типами социального действия в индустриальном обществе приходит «новая мораль», основанная на ином, целерациональном, типе социального действия.

4. Формы кодификации моральных норм и ценностей.

Критерии:

- внутренняя согласованность, непротиворечивость этических кодексов и аналогичных им документов;
- соответствие этих документов нормативно-ценностной системе;
- а также их соответствие реальным жизненным потребностям и обстоятельствам, желаниям, целям и задачам людей, так как любой кодекс моральных норм и ценностей создается для определенного сообщества, целевой аудитории;
- соответствие названных документов определенной моральной доктрине.

Пример. Кодекс профессиональной этики врача предназначен для объединения специалистов посредством рационального согласования их деятельности. Он выдвигает на первый план ценности, которыми врачи должны руководствоваться и которые они должны разделять на добровольной основе. Сами врачи нуждаются в подобной рационализации их совместной деятельности на основе общих ценностей, поскольку это отвечает их потребностям как целевой аудитории. Общество со своей стороны благодаря кодексу врачебной этики может оставаться спокойным и доверять врачам, которые дают клятву Гиппократу, ставят здоровье и жизнь пациента на первое место, т. е. остаются объединенными общими ценностями и нормами. То же самое касается, например, и кодекса профессиональной этики психолога, согласно которому специалист обязан ставить конфиденциальность пациента во главу угла своей про-

фессиональной деятельности. Данная ценность отражает реальную практику психологов, работающих непосредственно с человеком и его ментальным состоянием. Она помогает сохранить не только доверительные отношения с пациентами, но и формирует положительный образ самих специалистов, в чем они как рациональные субъекты заинтересованы.

5. Моральные суждения, оценки.

Критерии:

— соответствие моральных оценок и суждений конкретной нормативно-ценностной системе и в определенных случаях — форме кодификации моральных норм и ценностей;

— применимость этих оценок и суждений именно к моральной стороне жизнедеятельности человека;

— непротиворечивость моральных суждений и оценок.

Пример. Монолог Чацкого в произведении «Горе от ума» — яркий пример рационального содержания моральных суждений, имеющих явно выраженный двойственный характер. В своем выступлении герой одновременно и описывает, и оценивает фамусовское общество с позиции своей собственной, особой нормативно-ценностной системы, требуя реализации своих идеалов, порицая формы поведения, характерные для этого общества. Затрагивая разные сферы жизни вплоть до государственной службы, Чацкий акцентирует внимание именно на их моральной составляющей.

6. Опыт следования моральным нормам, применения нравственных принципов и ценностей в жизни.

Критерии:

— соответствие действий человека его нравственным принципам, моральным нормам и ценностям;

— приверженность человека определенным моральным принципам и ценностям;

— соответствие действий человека его реальным жизненным обстоятельствам, целям, задачам и потребностям.

Пример. Взаимодействие главных героев фильма «Запах женщины» (США, 1992) представляет собой пример приверженности человека моральным нормам. Полковник следовал своим нравственным принципам и ценностям в собственной жизни, стремясь

остаться духовно сильным человеком при физическом недуге, быть честным с собой, оставаться верным именно самому себе, что он и пытался донести до Чарли. Это не абстрактная ценность, она, как показано на примере жизненной ситуации Чарли, соответствует реальным жизненным обстоятельствам и помогает в них разобраться и определить образ поведения. Также с точки зрения рациональной составляющей моральной аргументации примечательно то, как главные герои постепенно конструируют общую языковую игру, перенося военный опыт на нравственный, создают общее поле взаимодействия. В результате Чарли, ранее не понимавший мотивов полковника, в конце фильма применяет его ценности в своей собственной жизни, так как он уже начал разделять их.

Глава 3

ЗАРОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МОРАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

3.1. Культурно-исторический контекст возникновения феномена

Зададим методологический абрис, рамку для рассмотрения истории развития феномена моральной аргументации. В ходе истолкования соответствующих процессов важно обратить внимание, во-первых, на особенности развития публичной речи и ораторского искусства, во-вторых, на ценностные ориентиры и мировоззренческие особенности эпохи и, в-третьих, на характерные особенности становления и развития морали. Развитие моральной аргументации — это процесс, включающий в себя как практику обоснования поступка, линии поведения, решения в соответствии с представлениями о благе (истине, справедливости, доброте, о достойном, правильном), так и культурную рефлексию по поводу нее, выраженную в определенных теоретических представлениях (философские системы, морально-нравственные доктрины, теоретические модели аргументации и пр.). Указанные выше параметры будут рассматриваться с учетом обоих этих аспектов.

Для осмысления особенностей становления моральной аргументации в античной культуре необходимо принять во внимание ряд обстоятельств. Прежде всего нужно понимать, что в античное время, согласно существующим культурно-историческим данным, моральный субъект еще только начинает формироваться. Это эпоха, когда табуированное мифологическое сознание постепенно приобретало форму этоса, или так называемой естественной морали

(В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов), и когда очень велика была роль традиции, обычаев. Вместе с тем Античность — эпоха интеллектуальной революции, в лоне которой рождается самосознание личности, теоретическое мышление, способность к систематической аргументации. Древнегреческое общество, представляющее раннюю Античность, это конгломерат полисов, которые апробируют на себе разные социально-политические модели, допускающие возможность участия граждан в социально-политической жизни общества. Как следствие, происходят социальные и культурные преобразования, речь начинают использовать как эффективный способ подчинения сограждан своей воле. Правильно говорящий уподобляется правильно действующему. В этих условиях моральная аргументация нередко приравнивается к красноречию, т. е. умению убедительно демонстрировать в своих речах соответствие совершенного поступка, принятого решения, возвания к кому-либо распространенным в обществе обычаям, принятым правилам и, как следствие, интересам общины, полиса.

3.2. Софисты: истоки риторической практики

Искусство аргументации покоилось в эпоху Античности на трех китах: во-первых, на логике (умении правильно мыслить), во-вторых, на риторике (ораторском искусстве, красноречии) и, в-третьих, на эристике (искусстве ведения спора). По существу, три эти дисциплины составляют первые исторически возникшие специализированные области гуманитарного знания. Первыми учителями-профессионалами, заложившими основы этого знания в Древней Греции, были софисты, которых называли учителями мудрости и красноречия (V в. до н. э., Протагор, Горгий и др.). Их уроки были весьма востребованными и довольно дорогостоящими, поскольку древнегреческая демократия (в первую очередь данная форма правления, хотя и не только она) предполагала активное участие всех граждан в социально-политической жизни полиса (хотя не стоит забывать, что гражданами полиса были не все его жители). Это были выступления в народном собрании, Совете

пятисот, народном суде, когда человек мог живым словом убедить в своей правоте и разгромить оппонента, защитить себя и доказать вину другого, раскрыть суть дела и способствовать его успешному решению, выиграть дело, повести полки за собой. Соответственно софисты готовили молодежь к общественной жизни, к проведению дискуссий, развивали у своих учеников умение использовать приемы доказательства и опровержения, умение отстаивать собственное мнение, применяя софизмы.

Софисты — первые, кто открыл и научился использовать свойства подвижности, пластичности языка. И сделали они это в условиях, когда протоморальные скрепы сознания и поведения, дорефлексивные формы регулирования жизнедеятельности людей на уровне табуированных социальных алгоритмов начинают замещаться новыми социальными и культурными формами, вызванными к жизни рождением индивидуального самосознания личности («осевая эпоха»). Личность как моральный субъект в этих условиях еще не сформировалась, а община архаичного типа уже начинает распадаться. Культура морального выбора еще не сформирована. И в этих условиях софисты открывают феномен релятивизма, относительности любых суждений, возможности, используя естественный язык, доказать все что угодно, а после этого развернуться ровно на 180 градусов и доказать обратное. Софисты все истины подвергали сомнению, считали, что каждый человек имеет свою особую истину (Протагор), что нет истинных высказываний, все высказывания людей ложны («мысль изреченная есть ложь»). Логичным следствием этого является недоверие софистов к теоретическому знанию, убежденность в том, что истины нет и быть не может, и, следовательно, для них важно служение не единственно верному, доброму, истинному, священному, а практически полезному, социально значимому (в прагматическом смысле слова). Отсюда критика софистами философии и последовательная работа над формированием и развитием риторики, специальных приемов убеждения. Широко известным стало доказательство софистами истинности ложного высказывания путем использования рассуждения, построенного на логических уловках, т. е. умышленно ошибочных рассуждениях. Такого рода доказательства стали называть софизмами. Они строятся на внешнем

сходстве явлений, преднамеренно неправильном подборе исходных положений, на двусмысленности слов и подмене понятий.

Например: «Что ты не терял, то имеешь; рога ты не терял, значит, у тебя есть рога», «Сидящий встал; кто встал, тот стоит; следовательно, сидящий стоит», «Этот пес твой; он отец; значит, он твой отец». Интересен софизм «Лжец», приписываемый древнегреческому философу Евбулиду из Милета. Он связан с вопросом: «Если какой-нибудь человек говорит, что он лжет, то лжет ли он или говорит правду?» Допущение, что этот человек говорит правду, будет означать, что правдой является то, что он лжет (об этом он и говорит), значит, выходит, что он лжет. Если же он лжет, то это как раз и есть то, что он открыто признает. Получается, что он говорит правду.

Другим показательным примером является известный софизм «Эватл». Эватл обучался у Протагора искусству спора. По соглашению между учителем и учеником он должен был оплатить свое обучение после первого выигранного им судебного процесса. После окончания обучения прошел год. В течение этого года Эватл не участвовал в судебных процессах. Протагор стал проявлять нетерпение. Он предложил Эватлу внести плату за обучение. Эватл отказался. Тогда Протагор сказал: «Если ты не внесешь плату, то я обращусь в суд. Если суд вынесет решение, что ты должен платить, то ты оплатишь обучение по решению суда. Если суд вынесет решение “не платить”, то выиграешь свой первый процесс и оплатишь обучение по договору». Поскольку Эватл уже овладел искусством спора, он так возразил Протагору: «Ты не прав, учитель. Если суд вынесет решение “не платить”, то я не буду платить по решению суда. Если же вынесет решение “платить”, то я проиграю процесс и не буду платить по договору». Озадаченный таким оборотом дела, Протагор посвятил этому спору с Эватлом сочинение «Тяжба о плате». К сожалению, оно не дошло до нас. Тем не менее нужно отдать должное Протагору, сразу почувствовавшему за простым судебным казусом проблему, заслуживающую специального исследования.

В софизмах явным образом используется пластичность и многозначность того или иного естественного языка. Однако эта особенность языка часто проявляется неявным образом, подспудно, влияя на развитие мысли, процессы аргументации, обнаруживаясь

в неоднозначности рассуждений человека в его повседневной жизни, к которым относится значительная часть суждений здравого смысла, опытных умозаключений, оценок и т. д. Не случайно логики при анализе суждений, научного знания используют не естественные, а искусственные, формально-логические языки и способы кодификации значений. Искусственный язык исключает или минимизирует подобную многозначность. Впрочем, необходимо в то же время отметить, что вера в однозначность формально-логических суждений тоже не выдерживает критики. Формальная логика в том виде, в каком она изначально разрабатывалась для кодификации и анализа научного знания на рубеже XIX–XX веков (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн), спустя несколько десятилетий была переосмыслена в русле неклассического поворота в теории познания, когда пришло понимание того, что любая формально-логическая система функционирует в рамках той или иной системы координат, каждая из которых, в свою очередь, задает характерные именно для нее возможности анализа. А отсюда всего один шаг до логики «возможных миров» и сформулированной Н. Гудменом идеи создания миров, что в конечном счете предполагает проявление эффекта многозначности теперь уже не на уровне отдельных суждений, но на уровне систем координат, когда одни и те же логические формулы (а это формально-логический аналог высказывания в естественном языке) приобретают различное значение в разных системах координат (в логике того или иного из «возможных миров»).

Как следствие, воспроизводится та же самая ситуация, с которой работали софисты. То, что доказывается в одной логической системе, элементарным образом опровергается в другой, т. е. в системе координат с другими базовыми допущениями. Здесь речь идет о метафизических основаниях, лежащих в основе любого рассуждения о мире, происходящих в нем явлениях и процессах. Пластика языка здесь просто проявляется на более высоком, метаязыковом уровне, который непосредственно смыкается со стихией смыслообразования и культурного творчества, стихией живого единства языка и мышления.

В естественном языке системы допущений — то, что является самым незаметным и при этом наиболее важным, — постоянно

видоизменяются, переходят одна в другую, обогащаются новыми смыслами, новым культурным опытом. Надеюсь, в ходе курса мы придем к пониманию того, что многослойность человеческой культуры и моральной аргументации, в частности, позволяет достигать недостижимого, а именно непротиворечивым образом решать моральные дилеммы — уходить от них или, по-другому, преодолевать их, используя определенные теоретико-методологические ресурсы.

Уловки в доказательстве, разработанные софистами, используются и в современной риторической практике, но в скрытой форме, поэтому их сложно сразу обнаружить. Подводя итог сказанному о софистах, стоит отметить: они справедливо утверждали, что для овладения живым словом необходимо не только развивать логическое мышление, но и совершенствовать технику речи (четкое произношение, достаточная громкость, определенный темп) и культуру речи (правильность и качество речи). И это положение в риторике осталось неизблемым.

3.3. Сократ: актуализация морально-нравственного содержания риторической практики

Опыт развития красноречия, связанная с ним теория и практика аргументации приобретают собственно моральный характер начиная с исследований (деятельности) Сократа. Сократ (470–399 до н. э.) и его ученик Платон (427–347 до н. э.) критиковали софистов, считали, что риторика должна быть связана с поиском истины: «Кто не знает истины, а только гоняется за мнимыми представлениями о ней, у того и само искусство красноречия будет, естественно, нелепым и грубым». Они положили начало риторике как искусству открытия, доказательства объективной истины. Сократ полагал, что Истина, Добро и Красота — это формы существования Единого — Блага. По сути своей это одно, следовательно, невозможно постичь Истину и при этом не приобщиться к Благу. В свою очередь, приобщение к Благу суть добродетель сама по себе и источник добродетели. Исполненная Добра душа человека прекрасна, а значит,

едины не только Истина и Добро, но и Истина, Добро и Красота. Это суть одно — Благо. Следовательно, подлинная риторика — красноречие, опирающееся на понимание истинного положения дел, воплощающее в себе Истину и обосновывающее ее, с необходимостью становится моральной аргументацией.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Истина, Добро и Красота как разные формы существования Блага — это не разные вещи, а одна и та же сущность, проявляющая себя в разных модальностях. Точно так же, как, например, электрон или фотон проявляют себя одновременно и как волна, и как частица. Но сущность подобных микрообъектов заключается в том, что это не волна и не частица, но нечто единое, способное проявляться и в том, и в ином качестве. Отсюда корпускулярно-волновой дуализм. Так вот, Благо — это не Добро или Красота, не Добро там, а Красота здесь. Благо суть Единое, проявляющее себя в том или ином случае по-разному. Но каждое из его проявлений есть одновременно и другие его проявления, поскольку это проявления Единого. А поскольку Истина есть с необходимостью Добро и с той же необходимостью Красота, постольку уместно вести речь об аргументации как о красноречии, т. е. красивой речи, которая одновременно является в основе своей речью добродетельной, проявляясь в конечном счете в качестве моральной аргументации (как на уровне формы, так и на уровне содержания). Ведь речь не будет подлинно прекрасной, если она не будет истинной и добродетельной, если она не будет Благом, которое видит человек и которое он пытается в своей жизни отстоять, делая его достоянием других.

Для поиска Истины Сократ использовал диалоги, основой которых была ирония. Философ называл свой метод постижения истины через умело поставленные вопросы и полученные на них ответы «майевтикой» (дословно «рождение истины»). Сократу задавал вопросы, ответы на которые обнаруживали их невежество, показывали, что они не имеют истинных знаний, хотя претендуют на это. Подлинная цель диалогов — не унижить или оскорбить человека, но помочь ему узнать себя, стать свободным, проявить свой творческий потенциал (см. диалог Платона «Символ пещеры»).

Вклад Сократа и его учеников в развитие интеллектуальной культуры переоценить невозможно. Это своего рода Рубикон, обозначивший обращение человека (на уровне устойчивой культурной практики) к своему духовному миру, начало духовной работы над формированием личности как продукта цивилизации. Еще и поэтому красноречие приобретает с подачи Сократа черты моральной аргументации. Ведь именно в горниле сократовской философии рождается пламя личностного самосознания индивида, выковываются его моральные качества. Это один из тех мощнейших импульсов «осевой эпохи», который, по мнению Карла Ясперса, наряду с конфуцианским и буддистским, даосским учениями сделал возможным появление и развитие личности вообще и морального сознания в частности.

3.4. Аристотель: превращение риторики в теоретическую дисциплину

Возвращаясь к риторике, необходимо отметить, что ее превращение в самостоятельную теоретическую дисциплину во многом связано с деятельностью Аристотеля (384–322 до н. э.). Он обосновал всеохватывающий характер риторики, которая, по его мнению, необходима как в делах, касающихся обыденных потребностей, так и в делах государственного значения и в профессиональной деятельности. Аристотель определял искусство красноречия (риторику) как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. В своем труде «Риторика» он рассматривал три основные составляющие красноречия:

1) оратор, определенные личностные качества и особенности которого вызывают доверие слушателей, что помогает ему вернее достичь своей цели;

2) речь: технические стороны риторики, способы выражения мысли и построения речи (предисловие, рассказ, доказательство, заключение). Аристотель справедливо утверждал: ясность — главное достоинство речи;

3) аудитория.

Аристотель выявил ряд принципов, на основе которых оратор имеет возможность побудить своих слушателей действовать так, как ему необходимо. Он создал школу (Ликей), где искусство красноречия впервые начали преподавать в близком к современному пониманию образовательного процесса виде (были определены место, время занятий, программа, состав учеников и др.). До этого ораторы обучали, разгуливая по берегу моря, используя подручные материалы для совершенствования риторических навыков и умений своих учеников, например речные камешки (галька) для отработки техники речи, дикции.

Итак, для древнегреческих ораторов риторика — это искусство доказательства, наука о способах убеждения, которой нужно постоянно учиться, постепенно совершенствуясь в этом непростом деле, и которая к тому же имела большое значение в жизни полисов. Очень важным достижением этого периода стало понимание того, что ораторами не рождаются — ими становятся. Оратором может стать каждый, кто не пожалеет времени и труда. Это, в частности, было продемонстрировано Демосфеном (384–322 до н. э.), одним из главных риторов Древней Греции.

Первые выступления Демосфена были неудачными и привели к полному его разорению, поскольку он не смог доказать свое право на имущество, принадлежавшее его умершим родителям. Он не владел техникой речи, не учел аргументы оппонентов, не готовил выступление. Кроме того, у него была нарушена дикция. Из-за физической слабости он тихо говорил. Тем не менее он решил стать оратором, ежедневно упражнялся в технике речи, заучивал наизусть выступления известных ораторов, использовал их приемы, постоянно совершенствовал форму и содержание своих выступлений. Спустя некоторое время он был признан одним из главных риторов Древней Греции. Благодаря его речам против царя Македонии Филиппа появилось слово «филиппика», закрепленное сегодня во многих языках мира и обозначающее гневную обличительную речь.

Таким образом, в Древней Греции были заложены теоретические, методологические и мировоззренческие основания для развития моральной аргументации прежде всего как практики публичного

выступления и косвенным образом — как повседневной практики самообоснования, самоубеждения, самооправдания и, шире, морального поиска.

3.5. Вклад Древнего Рима в развитие моральной аргументации

Следующий этап развития моральной аргументации связан с историей Древнего Рима. Римская риторика — это самостоятельный культурно-исторический феномен. Владение живым словом в республиканском Риме было важным условием активной политической и социальной жизни свободного гражданина, так как все дела решались там дебатами в народном собрании (Сенате, суде), где каждый участвующий имел право слова. Выдающийся древнеримский ритор, чье имя стало нарицательным для ораторов, Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) писал: «Есть два искусства, которые могут поставить человека на самую высокую ступень почета. Одно искусство — искусство полководца, другое — искусство хорошего оратора». Он отмечал, что на человека, владеющего словом, в Риме смотрели как на бога. Естественно, публичная речь в Древнем Риме была по преимуществу основана на аргументах к традиции, обычаю, добродетели, благу, т. е. носила характер моральной аргументации.

Возвращаясь к Цицерону, стоит отметить, что свой практический опыт он обобщил в трех книгах по риторике: «Об ораторе», «Брут», «Оратор». Основные положения, сформулированные им, не потеряли своей актуальности вплоть до настоящего времени.

Цицерон утверждал:

1. Речь оратора должна убеждать, услаждать и увлекать. Первое вытекает из необходимости, второе служит удовольствию, третье ведет к победе, ибо в нем больше всего средств для того, чтобы выиграть дело. Таким образом, уже у Цицерона истинностно-добродетельное ядро постепенно начинает уступать в публичной речи место риторическим приемам. Ситуация начинает возвращаться на круги своя, к досократовской модели риторики, когда технический момент

оказывается важнее содержательного, но это еще только первый шаг в данном направлении.

2. Поэтами рождаются, ораторами становятся. Оратор должен иметь широкое образование, эрудицию, знать теорию ораторского искусства, постоянно практиковаться в красноречии, выполнять разнообразные упражнения. Обратите внимание: здесь ничего не говорится о том, что оратор должен быть добродетельным.

3. Для действенности речи необходимо сочетать в ней рациональное и эмоциональное, учитывать интересы и особенности аудитории.

Далее, систему обучения ораторскому мастерству ребенка с самого раннего возраста изложил древнеримский оратор Марк Фабий Квинтилиан (36–96 н. э.) в трактате «Образование оратора». Его советы и наставления используются в большинстве современных учебников по риторике. Перечислим основные из них:

1. Необходимо развивать природное дарование оратора, используя теоретическое обучение, упражнения и подражание.

2. Следует начинать и кончать речь сильными аргументами; говорить только о тех вещах, которые знаешь.

3. Успех оратора обеспечивают жесты, мимика, осанка, телодвижения, дыхание, голос.

4. Каждый оратор должен исходить из особенностей своего характера и темперамента, а не слепо подражать ораторам, манера которых чужда его личности.

3.6. Место моральной аргументации в культуре античной греко-римской цивилизации

Античный мир создает искусство красноречия и развивает науку публичной речи. В центре внимания здесь — социально-политическая и судебная риторика. Однако если в Древней Греции основой подобной риторики являются аргументы к традиции, обычаям и устоям, а также основанные на них логические и риторические конструкции, то в Древнем Риме место традиции занимает закон, государственные установления. Это, в свою очередь, отражает пер-

вые стадии становления морального сознания и распространенные в обществе представления о добродетели, личной и коллективной ответственности человека.

Необычность (с точки зрения современного человека) проявления феномена морали в эпоху Античности заключалась в том, что правом публичного выступления, а следовательно, моральным и юридическим правом отстаивать свою правоту обладал тогда только моральный субъект, которым являлся гражданин полиса, республики. Раб и чужеземец соответствующими качествами не обладали и, следовательно, не могли быть моральными субъектами. При этом в условиях непрекращающихся войн перейти из категории граждан в категорию рабов мог любой человек, что автоматически лишало его в глазах других людей важнейших социокультурных атрибутов.

Получается, что человеку свойство носителя морального сознания можно было присвоить как своего рода культурный ярлык, как социальный атрибут. И это на первый взгляд выглядит странно. Однако если принять во внимание, что в эпоху Античности происходит рождение нового социокультурного качества личности, то многие вещи начинают восприниматься несколько иначе. Античный человек только начинает осваивать роль морального субъекта. Он как бы играет в мораль. Как маленькие дети играют в «дочки-матери», в докторов, в космонавтов, так же и античный гражданин примеривает на себя новую социокультурную «одежку». Отсюда проистекает кажущийся цинизм, выхолощенность этического содержания риторических практик при активном осмыслении этических начал общественной жизни в рамках разнообразных философских концепций, религиозных культов и эзотерических учений.

Дискурс этических рассуждений представляет собой на данном этапе не столько рефлексию сложившихся социокультурных состояний, сколько совокупность учений в строгом смысле этого слова. Тогда мыслители создавали новые социокультурные формы, которым еще только предстояло воплотиться в содержании общественного сознания. Это характерно для большинства учений «осевой эпохи» в целом, будь то учение Конфуция, Будды, Лао Цзы,

пророков или Сократа, Платона, Аристотеля. Они пробуждают в античном человеке самосознание и формируют связанное с самосознанием ядро нравственности, переводя архитипические структуры мифа в плоскость осмысленного поведения людей, т. е. в плоскость нравственности (табу как социальный регулятив — это еще не нравственная норма). Именно поэтому искать истоки моральной аргументации в повседневной деятельности обычных людей, живших в эпоху Античности, преждевременно. Способность к нравственной рефлексии поступка, выбора, решения будет формироваться у обычного человека в последующие эпохи на основе развития религиозного сознания и подчинения ему всех сторон жизнедеятельности людей.

Глава 4

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МОРАЛИ

4.1. Религиозная цивилизация: социокультурный контекст развития моральной аргументации

Под Средневековьем будем понимать исторический период, начинающийся после падения Рима и продолжающийся вплоть до эпохи Возрождения. При этом формулировка «после падения Рима», как вы понимаете, весьма расплывчатая. Насколько после? Неопределенность формулировки, «растяжимость» скрывающегося за ней смысла определяется медленными темпами развития средневекового общества. Соответственно историки утверждают, что переход от Античности к Средневековью осуществлялся не в VI веке н. э., а где-то между VIII–X веками. Нас будет главным образом интересовать период с VIII по XIV век, когда средневековая культура в западном мире уже сформировалась и приобрела черты, характерные для традиционной религиозной цивилизации.

Основной фокус анализа в рамках данной темы направлен на средневековую христианскую цивилизацию, развивавшуюся (согласно ортодоксальной трактовке исторического процесса) на территории Западной Европы. Она будет выступать в роли хрестоматийной модели развития культурно-исторических процессов, отраженной в доступных источниках и их общепризнанных интерпретациях. Подчеркнем, было ли Средневековье таким, как об этом пишут в учебниках по истории, в трудах признанных сегодня специалистов, это вопрос второстепенный. Для нас этот материал необходим, чтобы понять внутреннюю логику развития обсужда-

емых процессов, которая, в принципе, обнаруживается и в других социокультурных контекстах, сохраняя практически неизменными наиболее важные для ее понимания особенности. Соответственно общепризнанное видение культурно-исторического процесса является в данном контексте материалом для работы, позволяющим наглядно проиллюстрировать и лучше понять генезис, внутреннюю структуру и основные культурно-исторические функции феномена моральной аргументации, при этом представляющего интерес не столько в историческом, сколько в социокультурном плане. Историческая перспектива задает горизонт понимания настоящего. И именно настоящее является фокусом, на котором опосредованным образом сосредоточена вся осуществляемая в данном разделе дискуссия.

Возвращаясь к заявленной теме, еще раз отметим, что речь пойдет о традиционной религиозной (христианской) цивилизации, сложившейся в Западной Европе и прошедшей основные стадии своего развития в период с VIII по XIV век н. э. Считается, что именно в лоне данной локальной цивилизации складываются духовные предпосылки для европейского Возрождения, последующей научной революции и рождения техногенной цивилизации, ставшей к настоящему времени глобальной социетальной системой.

Названная локальная цивилизация является религиозной, поскольку в ее основе (в качестве культурного кода) лежит религиозная (монотеистическая) картина мира. Данное обстоятельство означает, что система представлений о мире, модель общества, доминирующий тип личностного самосознания, устройство общества, специфика социальных связей, основные формы взаимодействия человека с окружающим миром определяются доминирующей религиозной доктриной. Религиозное познание в это время — доминирующая форма познания, Церковь — основной социальный институт, религиозные практики — основа социализации человека, его жизнедеятельности.

Для того чтобы понять, каким образом все вышесказанное влияет на развитие морали, становление субъекта морали и, следовательно, субъекта моральной аргументации — человека, активно осуществляющего ценностный выбор, способного оценить свои

действия с позиции тех или иных ценностей, идеалов и нести за это ответственность, необходимо принять во внимание следующее. С точки зрения общей логики развития культурно-исторического процесса, филогенетического роста человека (т. е. с точки зрения обретения человеком в ходе исторического процесса определенных когнитивных качеств) монотеистическая религия (в том числе христианство) и основанный на ней тип цивилизации выступают в качестве сложного социокультурного механизма формирования личностного самосознания индивида.

Религия в течение многих поколений тиражирует в общественном сознании когнитивные практики, которые прежде были достоянием интеллектуальных элит, а теперь постепенно осваиваются среднестатистическим представителем средневекового общества. Религия учит обывателя мыслить в нравственных категориях, развивать в себе способность к моральной оценке, делать нравственно значимый выбор и нести за него ответственность.

Механизмы трансляции, тиражирования подобного рода практик отчетливым образом видны на примере исповеди и проповеди. Если проводить аналогии, во многом упрощая ситуацию, то проповедь — это своего рода лекция, а исповедь — семинар или контрольная работа. Религиозному человеку в течение всей жизни как минимум раз в неделю нужно ходить на проповедь (воскресные проповеди и праздничные богослужения), участвовать в разного рода обрядах и ритуалах (похороны, свадьбы, крещение, Великий пост и др.). Все эти мероприятия показывают, что и как нужно делать для того, чтобы быть праведным человеком, вести праведный образ жизни.

Так, проповеди на ясных, доходчивых примерах из жизни разъясняют (подобно тому, как это делалось когда-то в диалогах Платона), как нужно делать правильный выбор, каким образом отличить добродетель от порока, как давать на этой основе взвешенные нравственные оценки. Проще говоря, проповедник дает прихожанам урок, который им предстоит самостоятельно выполнять. Результат проделанной работы систематически проверяется на исповедях, так как исповедь — это результат самонаблюдения и оценки человеком своих собственных поступков, побуждений, желаний, убеждений.

Именно в этом контексте рождается и развивается религиозно-моральное сознание средневекового человека.

Конечно, это лишь отдельные примеры, иллюстрирующие работу того сложного социокультурного механизма, который обеспечивает воспроизводство и развитие религиозной цивилизации, а также соответствующего типа сознания, личности, общества. Не случайно в этом плане то обстоятельство, что красноречие в рассматриваемый период развивается в двух основных плоскостях — в области религии и в области образования, которое также носит религиозный характер.

4.2. Место моральной аргументации в развитии религиозного сознания средневекового человека

Религиозной риторике, которая начинает формироваться в период появления первых христиан и в дальнейшем культивируется в церквях и монастырях, свойственна особая аргументация: о чем бы ни говорил проповедник, все свои суждения и выводы он основывает на одном непререкаемом источнике — обладающем беспрекословным авторитетом Священном Писании. В Средние века моральная аргументация становится важной составляющей личностного самосознания индивида. Человек в эту эпоху учится быть личностью, отвечать за свои поступки. Ему говорят: «Ты виноват, потому что... Ты греховен, так как... Тебе требуется искупить вину, потому что...» Он отвечает: «Да, я виноват, признаю. Да, я грешен, скажите мне, что нужно делать». И не важно, в действительности виноват он или нет, добродетелен или грешен. Важно, что он начинает мыслить в этой категориальной системе. Человек начинает размышлять в нравственных категориях, которые (в отличие от табу) обретают смысл только в перспективе осознания себя самодостаточным носителем духовного содержания — личностью. Духовное содержание в данном случае предстает в виде идеалов и ценностей. Личность проносит их через всю свою жизнь, развивает, приумножает, несет за их претворение в жизнь ответственность. «Хорошее» это содержание или «плохое» — не важно. Человек учится нести ответственность за то,

что ему дорого. В этом заключается важный аспект становления морального сознания и, шире, личностного самосознания индивида.

Моральная аргументация носит на данном этапе ярко выраженный традиционалистский характер. Аргумент к традиции и аргумент к авторитету становятся доминирующей формой обоснования праведности действия. Человек поступает определенным образом не потому, что он сам считает нужным именно так поступать, а потому, что так принято в рамках заданной религиозной традиции. Человек Средневековья учится быть личностью, учится быть моральным субъектом, и на этапе «обучения» ему с необходимостью нужна доктрина, объясняющая, как нужно поступать, свод правил, некий высший авторитет, с которым можно разделить ответственность, у которого можно научиться, которому можно подражать. Именно в этой логике развивается церковно-богословская риторика, будь то ортодоксальное учение или еретическое, выступающее против догматов Церкви. Вне зависимости от отстаиваемой позиции, точки зрения, религиозной традиции модель аргументации сохраняется по сути своей неизменной.

4.3. Особенности церковно-богословского красноречия

Начало формирования церковно-богословского красноречия связывают с именем византийского проповедника Иоанна Златоуста (ок. 347–407), в прозвище которого выражено уважение к нему как человеку, умевшему воздействовать на слушателей живым словом, признание его великим оратором. За несколько столетий церковно-богословское красноречие прошло большой путь развития. Теоретическое обоснование его основных достижений довольно отчетливо выражено в гомилетике Фомы Аквинского (1224–1274). Суть церковного красноречия Фома Аквинский сводит к двум главным особенностям. Во-первых, это особое внимание к форме, что выражается в торжественном, высокопарном стиле речи, в ее внешней красноте; во-вторых, это стремление не столько убеждать, сколько внушать.

Церковное красноречие внесло в риторику приемы, с помощью которых можно овладевать чувствами и сознанием слушателей, влиять на их психику и воображение. Содержательно это была по преимуществу религиозная морально-нравственная аргументация.

В контексте сказанного большое значение имеют два момента:

— В рамках данного дискурса риторика и моральная аргументация отождествляются. Религиозная риторика вся пронизана моральным содержанием.

— Характер красноречия изменяется вслед за сменой целевой аудитории.

В Античности риторическая практика воспроизводится в рамках высокоинтеллектуального дискурса. Участники подобного общения могли и не быть равны с точки зрения уровня интеллектуальной культуры. Образованный мог, например, «обхитрить» необразованного. Тем не менее дискурс аргументации предполагал участие в дискуссии образованных людей, обращающихся к рациональным аргументам. Средневековый религиозный дискурс предполагает обращение интеллектуальных элит к массам, заведомо необразованным, но постепенно идущим по пути освоения интеллектуальной, духовной культуры общества и ее обогащения. По сути, интеллектуальные элиты в эпоху Средневековья являются носителями знаний ушедшей цивилизации и сформированных ею интеллектуальных навыков, которые они «конвертируют» в пространство новой цивилизации, нового культурного ареала. Пастыри не общаются на равных со своей паствой. Но они с ней тем не менее общаются, тогда как у рабовладельца потребности общаться со своим рабом нет. У него нет необходимости влиять на чувства и воображение своих рабов. Раб в Древней Греции не является целевой аудиторией в риторическом дискурсе, а средневековый смерд (и любой другой христианин вне зависимости от его социального положения) является, что и определяет качественные различия риторических практик в этих двух случаях.

В заключение стоит отметить, что в эпоху позднего Средневековья наряду с церковно-богословским получает развитие академическое красноречие, в котором аргументация чем дальше, тем больше обретает логико-рационалистический характер, утрачивая

ценностное, моральное содержание. Научный дискурс апеллирует к реальным явлениям и фактам, а не к иносказаниям и примерам, поэтому для него логическое обоснование важнее воздействия на чувства. Научный диспут решает иные, нежели религиозная нравственная проповедь, задачи. Развитие академической культуры, со временем утрачивающей узкобогословскую специфику и сопровождающейся рядом сопутствующих социокультурных процессов, постепенно приводит к концу XIV века к качественным преобразованиям в структуре самосознания интеллектуальных элит, к развитию общества, духовной культуры, что естественным образом сказывается на развитии моральной аргументации, которая в эпоху Возрождения приобретает новые значимые черты, о чем нам и предстоит поговорить в следующей главе.

Глава 5

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ: ФОРМИРОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННО НОВОГО СУБЪЕКТА АРГУМЕНТАЦИИ

5.1. Эпоха Возрождения: начало перемен

Для того чтобы понять основные тенденции и процессы преобразования моральной аргументации, а следовательно, функционирования морали, способов ее «конвертации» в реальные поступки людей и проявляющейся на разных уровнях духовной деятельности рефлексии по поводу этих процессов, необходимо принять во внимание то самое главное, что происходит в эту эпоху в обществе, с обществом и с человеком. Эпоха Возрождения — это время изменения основных векторов развития духовной культуры, период активной секуляризации (от лат. *secular* — светский) общества, время проявления нового культурно-исторического типа рациональности, период формирования нового образа человека. В основе всех этих процессов — активное развитие идей гуманизма и антропоцентризма. Это время критики доктринально-религиозного представления о человеке, его основных качествах и жизненных устремлениях.

Духовные лидеры этой эпохи «поют гимн» человеческой личности, всячески отстаивают идею самоценности человека и его творческого начала, порой доходя до очевидного абсурда, восхваляя не только добродетели, но и пороки. Героем, символом эпохи теперь перестает быть аскет, подвижник, способный, отринув себя и мир, возвыситься в чистоте своих помыслов до состояния ангелоподобного существа. На смену образу аскета приходит образ художника-творца, всесторонне развитой личности, одним из во-

площений которого считается Леонардо да Винчи — художник, теоретик (в самых различных областях знания), инженер, практик. Вот он, герой новой эпохи, «космонавт» эпохи Возрождения.

Изменение образа человека, идеала человеческой личности, секуляризация общественной жизни, стремление на новых основаниях возродить античное чувство красоты, представление о совершенстве человеческой души непосредственным образом влияют на развитие морали и всей многоуровневой структуры моральной аргументации, т. е. на все многообразие духовно-рефлексивных практик, поддержание, воспроизводство и развитие идентичности добродетельных моделей поведения в обществе. Тем не менее в эпоху Возрождения сознание человека продолжает носить ярко выраженный религиозный характер, что отражается в том числе и на моральных нормах. И такая ситуация еще долго будет сохраняться практически неизменной. В свете этого очевидным становится, что никакие процессы секуляризации не могли одновременно изменить общественное сознание, которое еще не один век будет сохранять в себе структурообразующие элементы религиозной картины мира.

Таким образом, моральная аргументация в эпоху Возрождения сохраняет религиозно-традиционалистский характер, но при этом включает в себя новые структурные компоненты. В ней постепенно начинает усиливаться элемент здравого смысла, индивидуального выбора и индивидуальной ответственности. Это еще не кантовский деонтологический тип моральной аргументации, ставящий во главу угла индивидуальную личностную позицию, ответственность человека перед самим собой, но, как минимум, первый шаг на этом пути. Если использовать терминологию В. И. Бакштановского и Ю. В. Согомонова, это шаг от «естественной» морали к морали современной. Следующий шаг на этом пути будет связан с достижениями эпохи Просвещения и в целом Нового времени.

5.2. Новое время: скачок в развитии

Новое время — это эпоха формирования новой социальности, время формирования новой картины мира, время преобразования основополагающих установок сознания, появления новых идеалов и ценностей. Это эпоха, которая не стремится воссоздавать идеалы предшествующих эпох. Ее деятели ощущают себя строителями нового — общества, культуры, науки, человека. Это необходимым образом влияет на развитие морали, поскольку лежащая в ее основе религиозно-традиционалистская установка уступает место новым когнитивно-аксиологическим (мировоззренческим) структурам и прежде всего предметно-преобразующей установке сознания.

В Европе в это время рождается качественно новый тип цивилизации — техногенная цивилизация, которая приходит на смену традиционной религиозной цивилизации. А поскольку цивилизация представляет собой в первую очередь способ взаимодействия человека и мира, то изменение этого способа качественно меняет всю структуру ценностей человека, в том числе его нравственные принципы и морально-нравственные приоритеты.

Сказанное, конечно, не означает, что среднестатистический представитель этого общества перестает быть религиозным или что заповеди Нагорной проповеди* утрачивают для него нравственный смысл, но предполагает, что в единую систему все многообразные составляющие морального и, шире, ценностного сознания человека связываются теперь уже на совершенно иных основаниях. Меняется система связей, меняется основание, следовательно, качественно преобразуется субъект моральной аргументации и, шире, субъект социального действия. Человек этой эпохи совсем по-другому относится к окружающему миру и воспринимает себя, на принципиально иных основаниях строит систему ценностей, а следовательно, проводит границу между праведным и порочным, правильным и ошибочным. Это все равно человек, для которого нравственный

* Немного отвлекаясь от основной темы, стоит отметить, что Нагорная проповедь есть не что иное, как рефлексия культурных практик, сложившихся в череде веков и тысячелетий.

выбор имеет существенное значение, однако характер рефлексии и направленность этого выбора у него другие.

Если в предшествующие эпохи (Средневековье и Возрождение) моральная аргументация служила основой, способом поддержания религиозной традиции*, то начиная с эпохи Просвещения (XVII–XVIII века) осью моральной аргументации становится категория гражданственности, а следовательно, связанная с ней модель социальной ответственности человека.

В публичной сфере это, в частности, проявляется в том, что богословское красноречие как основа воспроизводства и развития общественного сознания сменяется светской риторикой, чем дальше, тем больше развивающейся в социально-политическом и научно-просветительском ключе. В первом случае это связано с развитием теории общественного договора, ростом общественных движений, демократизацией общественных отношений, во втором — с проектом энциклопедистов и ключевой идеей Просвещения, суть которой заключается в увеличении общественного блага за счет усиления разумного начала в сознании масс.

Эти процессы социального и духовного брожения, сопутствующие мощному перелому в сознании человека, способствующие его превращению в субъекта морального выбора, сопровождаются интенсивной работой духа, интенсивной работой мысли. Не случайны в этом плане философско-этические поиски, связанные со стремлением выработать единый понятийный аппарат, необходимые и достаточные концептуальные средства для полноценной культурной и, в частности, этико-философской рефлексии происходящих процессов. Эта работа осуществляется в рамках английского этического интеллектуализма, в рамках континентальной философской традиции, в рамках самых разнообразных направлений исследования, среди которых не последнюю скрипку играли идеи представителей французского Просвещения и позднее немецкой

* Причем моральная аргументация подчинялась этой логике и тогда, когда осуществлялась на уровне ценностного выбора человека и оценки им собственных поступков и поступков окружающих, и тогда, когда воспроизводилась на уровне религиозной риторики, направленной на воспитание религиозно-нравственных чувств и соответствующих личностных качеств.

классической философии. В этом же контексте уместно говорить о линии рационалистов (от Декарта через Лейбница, Спинозу и далее), а также о некоторых других векторах развития философской и общественной мысли. То есть в это время ведется интенсивная исследовательская работа, вызванная необходимостью осмыслить процессы, происходящие в обществе, с обществом и, что особенно важно, с человеком.

5.3. Условия развития моральной аргументации в эпоху Нового времени: новые векторы развития риторической практики

Эпоха Нового времени — это период, когда внутреннее единство риторики как искусства красноречия, теории аргументации как ее логического ядра и морально-нравственной составляющей социального действия как неотъемлемой этико-аксиологической оболочки процессов публичной (прежде всего религиозной) риторической практики, а также индивидуального осмысления и обоснования человеком собственных поступков — это единство распадается на составляющие. Развитие академического дискурса ставит во главу угла логическую теорию аргументации, отдавая приоритет универсальным способам обоснования, доказательства. Социально-политическая практика развивает прежде всего технические составляющие риторики (искусства красноречия), постепенно нивелируя морально-нравственные компоненты, которые сохраняются в риторической практике лишь в виде «внешнего фасада» аргументации. В свою очередь, собственно моральная аргументация становится по преимуществу прерогативой индивидуального морального субъекта, который при этом несет ответственность главным образом перед самим собой. Именно в этом контексте возникает насущная потребность в обосновании морали.

Дискурс обоснования морали. Прежде (в рамках христианской картины мира) религиозная мораль как таковая не требовала обоснования. Обоснование если и осуществлялось, то было направлено на саму религиозную систему и соответствующую ей картину мира.

Быть моральным означало то же самое, что и быть религиозным. Эти признаки были взаимозаменяемы. Теперь же моральность и религиозность становятся совершенно разными качествами. Индивид, личность становится субъектом морали, социального действия и должен в себе самом найти истоки и принципы нравственного выбора.

Процесс перехода от одного состояния культуры (соответственно типа личности, общества) к другому происходит не одномоментно, является перманентным (пошаговым, постепенным), выступает скорее в виде тенденции, нежели в качестве некоего законченного состояния. Но сама тенденция вполне отчетливо прослеживается в культуре Нового времени. О том, что такая тенденция есть, что она развивается, свидетельствуют, в частности, теоретические дискуссии среди философов, интеллектуальных элит XVII–XIX веков. Именно в этом контексте актуальным становится прояснение понятийного аппарата этики, как следствие — формирование самостоятельного теоретического дискурса философии морали и разработка целой серии глубоких по своему содержанию философско-этических концепций, посвященных проблемам обоснования морали, толкованию феномена нравственности, осмыслению оснований нравственного выбора. Есть основания полагать, что эта работа представляет собой культурно-историческую рефлексия исследовательского сообщества по поводу реально происходящих в то время процессов.

В рамках большой многосоставной эпохи, получившей название Нового времени, несколько особняком стоит XIX столетие — время больших теоретических систем, сложных социальных преобразований, апогей развития эпохи в целом. Проводя исторические аналогии, уместно будет утверждать, что XIX век в отношении века XX — такой же культурно-исторический трамплин, как эпоха Возрождения в отношении Нового времени. Это период фокусирования всех основных достижений эпохи, предшествующий качественному скачку. И в этом плане все то, что было сказано о развитии моральной аргументации в эпоху Нового времени, в XIX веке многократно усиливается, проявляясь как будто под увеличительным стеклом.

Человек новой эпохи: поиски и тревоги. Человек XIX столетия сохраняет в себе ощущение «венца мироздания», он чувствует в себе

мощь преобразователя и в то же время начинает испытывать некую экзистенциальную тревогу. Она еще не проявила себя в полной мере, но уже зарождается. Все острее проявляет себя некое «борение духа», появляется потребность в поиске новых ориентиров. С одной стороны, в первой половине XIX века возникает ощущение неудовлетворенности достигнутым предшественниками, с другой стороны, уже ко второй половине XIX века заявляет о себе предчувствие перемен. И это становится условием, во-первых, для кристаллизации классических теорий, концепций, классического стиля мысли. В их числе и немецкая классическая философия, и широкомасштабное движение позитивизма, и рождение марксизма. Во-вторых, это условие перехода, выражаясь языком Г. Гегеля, количества в качество, когда складываются предпосылки неклассической философской и научной мысли, происходят мощные социальные преобразования, постепенное, но все нарастающее ускорение темпов технологического развития.

Таков противоречивый дух XIX столетия с его энергией преобразования, неудовлетворенностью существующим положением дел, с его мощью, заключенной в некие консервативные рамки. И это естественным образом отражается на развитии общественного и индивидуального сознания, морали и опыта обоснования социального действия. Стоит только вспомнить И. Канта на заре века с его деонтологией, Л. Фейербаха с его критикой религиозного сознания, К. Маркса с его критикой общественного устройства и анализом проблемы отчуждения, О. Конта с его критикой метафизики и верой в возможность построения новых (позитивных) культуры и общества, наконец, Ф. Ницше с его «сверхчеловеком» и призывом к развитию «по ту сторону добра и зла», т. е. с призывом к человеку самостоятельно выбирать траекторию своего жизненного пути и нести за этот выбор индивидуальную ответственность.

По сути своей призыв Ф. Ницше вполне в духе И. Канта. При всем различии подходов авторов он отражает характерный для данной эпохи настрой человека на самостоятельность выбора, желание руководствоваться голосом разума, собственного разумения и своей совести. Это воззвание и связанное с ним устремление уместно трактовать по-разному, но суть, ядро смысла, который

в него вкладывается в эту эпоху, по-видимому, заключается в том, что во главу угла здесь ставится ответственный за свой выбор субъект морального (шире, социального) действия. Субъект становится точкой отсчета.

На первый взгляд об этом же речь шла и в эпоху Возрождения (ведь в этом суть антропоцентризма и гуманизма, возвеличивающего человеческую личность). Однако разговор, который вели гуманисты эпохи Возрождения, это лишь предвосхищение того, о чем будут впоследствии говорить К. Маркс и Ф. Ницше. Так, К. Маркс утверждает, что человек способен формировать свою собственную природу. Человек как «родовое существо» создает свою природу на уровне рода человеческого путем творческого раскрытия в трудовом процессе все новых качеств и возможностей человеческой культуры, а следовательно, самого человека. При этом, меняя свою собственную природу, развивая свою родовую сущность, он, естественно, несет за это ответственность.

Богатая палитра концепций, существовавших в XIX столетии, часть из которых упомянута выше, разворачивается вокруг устойчивого набора инвариантных идей и смыслов. Подобные инварианты, которые в совокупности характеризуются исследователями как «дух эпохи», «эпистема», «культурные универсалии», «культурный код» и т. д., воспроизводят характерную для данной эпохи этико-антропологическую модель человека и общества. Эта модель проявляется в том числе в виде своего рода парадигмы моральной аргументации, как модель обоснования человеком все более активно осуществляемого им нравственного выбора.

Глава 6

XX–XXI ВЕКА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ

6.1. Эпоха «бури и натиска»

XX век — эпоха больших социальных систем, время создания «социальных машин» и все нарастающего ускорения жизни человеческого сообщества. Это время активных преобразований. Человек в этом процессе уподобляется белке в колесе: он постоянно бежит вперед, ему неизменно не хватает времени. Причем эта тенденция от десятилетия к десятилетию все нарастает.

С позиции человека конца XX — начала XXI века, ритмы жизни начала XX века кажутся довольно неторопливыми, однако, с точки зрения человека конца XIX века, ситуация выглядела бы совершенно иначе. Ритмы жизни нарастают, и это создает неуходящее чувство интенсивности. «Бег времени никогда не был таким быстрым», — говорим мы сегодня, а завтра, когда он становится значительно быстрее, мы опять говорим то же самое. И такая ситуация повторяется вновь и вновь.

В условиях непрерывных изменений для человека приобретает огромное значение способность сохранять себя. При этом чувство самотождественности существенным образом определяется параметрами нравственного самосознания человека, представлением о том, каким ему должно быть, что значит делать правильный выбор, поступать по совести, быть справедливым. Личностная идентичность человека связана с его местом в социальном пространстве, с занимаемой им позицией, траекторией движения. Его личный хронотоп (жизненное пространство) разворачивается в горизонте

социальных связей и отношений и зависит от групповой идентичности, а точнее, от системы идентичностей.

И если прежде эта система была довольно устойчивой (окружение человека, социальная среда, в которой протекала его жизнедеятельность, не подвергалась существенным изменениям, обладала достаточно высокой стабильностью), то теперь она меняется практически непрерывно. XX век — это череда катастрофических событий: войн, революций, происходивших на фоне все нараставшего научно-технического прогресса. Человек в этих условиях все время перемещается из одной социальной среды в другую, мир крутится вокруг него, как в калейдоскопе, и он крутится вместе с этим миром, а это означает, что человек оказывается лишен каких-то устойчивых привязок: меняется его социальное положение, постоянно преобразуется то социальное пространство, в котором он занимает какое-либо место. Социальная динамика лишает его возможности сохранять свою ценностную идентичность за счет привязки к определенным традициям. Среднестатистический представитель этого общества не имеет никакой возможности полагаться на локальные сформировавшиеся в некотором сообществе традиции и устои. Не случайным в этой связи выглядит формирование в XX веке так называемой универсалистской морали, морали больших социальных систем, с одной стороны, и развитие и усиление субъектности морального выбора — с другой.

Первый из названных аспектов проявления этого процесса связан с тем, что общество нового типа, живущее в условиях нарастания социальной мобильности, социальной динамики, с необходимостью вырабатывает эффективные механизмы функционирования, обеспечения общественной солидарности, социокультурной преемственности, культурно-исторической идентичности складывающейся социальной целостности.

Второй аспект связан с тем, что нарастание социальной мобильности заставляет человека нести с собой свой символический капитал — личностный потенциал. Его ценностная идентичность подобна хорошо упакованному чемодану, с которым ему приходится путешествовать по самым разным, изначально незнакомым ему местам. При этом в чемодане у него должно быть все то, что позво-

ляет обжиться там, куда занесет судьба. Нужно быть способным сохранять свою идентичность, ценности, установки, представления о должном вне зависимости от меняющихся условий. А условия меняются даже для тех, кто сидит на месте, — такова реальность XX века. Другими словами, человек этой эпохи научается отвечать за себя, свои поступки, своих близких, за все то, что ему дорого, потому что это оказывается чуть ли не единственным условием и возможностью сохранения себя в процессе нарастающей социокультурной динамики.

Все это самым непосредственным образом влияет на развитие структуры моральной аргументации. В XX столетии моральная аргументация чем дальше, тем больше приобретает дискурсивный характер. Это означает, во-первых, усиление активного начала в мышлении и поведении субъекта моральной аргументации, т. е. рост его субъектности, когда он активно включается в процесс формирования морального дискурса. Во-вторых, моральная аргументация приобретает интерактивно-коммуникативный характер в том смысле, что дискурс не просто формируется, но формируется совместно, предполагает соучастие. В-третьих, моральная аргументация приобретает контекстуальный характер.

Дискурс — это всегда одно из многих полей коммуникативного взаимодействия, одна из многих смысловых, ценностных, социокультурных сред. А это означает, что XX век, кроме всего прочего, время создания огромного количества новых коммуникативных и интерактивных практик. Не случаен в этом отношении интерес исследователей XX века к проблемам символического интеракционизма, социогаммы, к разного рода играм. Во второй половине XX века весь этот накопленный опыт взаимодействия в постоянно меняющихся условиях превратится в хорошо продуманные концепции и социально-гуманитарные технологии. Стоит только отметить, что в этих концепциях опыт именно что воплотится. Причем сами концепции не столько создадут новые практики (хотя и это тоже), сколько отразят их, абсорбируют на уровне культурной рефлексии.

Подводя промежуточный итог, надо заметить, что развитие моральной аргументации в XX веке (вплоть до начала информационной эры) было связано с совершенствованием способности

людей договариваться друг с другом на все новых и новых условиях, а это означает способность не столько сохранять общественную солидарность, сколько постоянно продуцировать ее во взаимном уважении, постоянном поиске точек соприкосновения.

6.2. Современные тенденции развития моральной аргументации

Развитие морали, изменение форм моральной аргументации в XX столетии связаны с общим процессом преобразования общественного сознания, в основе которого лежат тенденции усложнения методологической культуры мышления, развитие доминирующих в обществе способов формирования, трансляции, использования знания. В этом отношении умножение дискурсов моральной аргументации не только следует за развитием общественной жизни, но и сопровождается обновлением интеллектуальной культуры, в частности формированием неклассического типа познания и соответствующих ему способов мышления, форм коммуникации.

На изменение моральной аргументации в этом плане влияют качественно различные, но притом дополняющие друг друга процессы, связанные, с одной стороны, с развитием теоретического этического дискурса, рефлексии по поводу морального сознания и нравственных отношений, по поводу моральных доктрин и особенностей их воплощения в жизни общества и, с другой стороны, связанные с развитием реальных практик обоснования, аргументации, с трансформацией ценностных систем, форм их воплощения в конкретных процессах общественной жизни.

На уровне теоретического осмысления происходящих процессов имеет смысл вести речь о формировании этики дискурса, метаэтики, прикладной этики и о других векторах релятивизации и прагматизации этического знания. При этом сам процесс релятивизации во многом является рефлексией и одновременно отражением того, что происходит в обществе, связан с ценностным релятивизмом, появлением новых сред и типов моральной аргументации и, шире, форм существования морали. Умножение дискурсов моральной

аргументации, усложнение моральных феноменов и новые социальные, технологические, когнитивные возможности, которые открываются перед человеком и обществом в XX столетии, создают большое количество неразрешимых противоречий, коллизий. Последние требуют поиска практически применимых решений и в то же время представляют огромный интерес для исследования. Именно в этом контексте речь заходит о необходимости развития теории моральной аргументации, теоретического обоснования притязаний субъекта морали на рационально или иным образом обусловленные выбор, оценку, решение.

6.3. Моральные дилеммы как фокус актуализации проблем моральной аргументации

Одним из фокусов проявления возникающей в данном контексте проблематики становятся моральные дилеммы — неразрешимые или как минимум проблематичные ситуации неоднозначного морального выбора. Именно в плоскости дилемм дает знать о себе вся сложность и неоднозначность многоуровневой проблематики моральной аргументации, включающей в себя широкий диапазон (от предельно общих метатеоретических до конкретно-практических) морально-нравственных суждений, оценок, принципов и форм их проявления.

Метапроблематику моральных дилемм, например, уместно будет разворачивать и в отношении дискуссии о пределах разума в сфере нравственного выбора и моральной регуляции поступков людей, и в виде дискуссии о рациональном и иррациональном основаниях человеческого поведения, и в плоскости изучения феноменов моральной интуиции, морального чувства, морального рассуждения и рефлексии. О моральных дилеммах уместно также рассуждать в плоскости сопоставления различных ценностных систем, морально-этических дискурсов, разных когнитивных моделей и языковых игр, а также в плоскости конкретных проблем и решений, технологий и практик. Ведь неразрешимость и ценностная неоднозначность моральной дилеммы не означает, что решать ее

ненужно и бессмысленно. Теоретическая неразрешимость тех или иных вопросов зачастую сопровождается множеством практических решений, которые люди непосредственно реализуют, принимая на себя ответственность за осуществление нравственного поступка, морального выбора.

6.4. Развитие моральной аргументации в информационную эпоху

Охарактеризованная выше в главе ситуация складывается уже к 60-м годам XX века. За последующие несколько десятилетий она еще более усложняется, поскольку к динамике общественных изменений, характерных для XX столетия в целом, в этот период прибавляется принципиально новый класс факторов, а именно возникновение интернет-технологий и, шире, развитие так называемого информационного общества. Это сопровождается качественным изменением характера и структуры, целей коммуникации, форм и способов трансляции знания, механизмов развития общественного сознания, связанных с ними опасностей и рисков, появлением множества новых возможностей и требований, которые предъявляются теперь к субъекту морали, а следовательно, и к субъекту моральной аргументации.

Интернет во многом обезличивает коммуникативные процессы, увеличивает их интенсивность, создает предпосылки для возникновения новых форм существования и развития общественного сознания. Так, появляются новые способы манипулирования сознанием. Возникает среда, для которой большинство существующих механизмов общественной регуляции подходит мало, а новые механизмы пока еще не сформированы. Интернет создает иллюзию коммуникативной вседозволенности, а это серьезнейший вызов морали и нравственности современного человека. Складывающаяся ситуация требует совершенно иного уровня самоорганизации, куда большей, нежели прежде, ответственности перед самим собой. Человек получает доступ к невиданным прежде возможностям. При этом он должен научиться использовать их, осуществлять осознан-

ный выбор там, где еще недавно этого выбора, в принципе, не было, и нести за этот выбор ответственность.

Увеличившаяся анонимность как будто бы не требует отчета в тех или иных действиях. Однако развивающаяся действительно содержательная коммуникация невозможна без какой бы то ни было персонификации участников продолжающегося процесса общения. Как следствие, появляются виртуальные ники, аватары — «лики», узнаваемые в рамках конкретной коммуникативной среды, у которых складывается своя история, которым присущ узнаваемый коммуникативный стиль. Складывается ситуация, при которой видимая анонимность как бы снимает с участника коммуникативного процесса слои социокультурной «шелухи»: стереотипы, статусы, роли — все это остается в стороне от непосредственного коммуникативного акта, который действительно совершается. То есть на фоне случайных коммуникативных контактов возникают продолжающиеся процессы общения людей, принимаемые во внимание качества которых определяются конкретными поступками и высказываниями (идеи, рассуждения, оценки) этих людей — тем, что они непосредственно делают, как они себя в этой среде конструируют. В этом случае оказывается, что тот, кто делает, тот, кто конструирует себя, отвечает значительно больше за происходящее, чем, скажем, пассивный слушатель, наблюдатель, подписчик. Он отвечает перед собой и своими коммуникантами (людьми, с которыми общается), поскольку своими словами и действиями дает некий посыл, импульс, который в совокупности с многими другими подобными импульсами создает архитектуру информационных процессов в виртуальном пространстве, определяющую мышление и поведение людей в самых различных сферах общественной жизни. Складывается ситуация, при которой изначальное «как хочу, так и делаю» превращается в живой процесс взаимодействия людей без границ на основе их интересов и качеств, который естественным образом создает условия для развития моральной аргументации, обоснования действия, оценки, создает те самые новые требования, которых раньше не было.

Стоит подчеркнуть: чтобы участвовать в этом процессе, нужно прилагать усилия, нужно соответствующие качества в себе культи-

вировать. Чтобы стать активным участником подобным образом выстроенного коммуникативного процесса, этому нужно учиться. Но где учиться и как? Образцов нет, перенести то, что есть в обычной жизни, можно, но сложно. С другой стороны, активными участниками этого процесса являются люди, которые уже формируются в этой среде, и это люди во многом с иной идентичностью (в сравнении с человеком, социализированным изначально вне системы интернета). Как следствие, мы становимся сегодня свидетелями саморазвивающегося процесса становления этосов интернет-коммуникации, в которых морально-нравственная составляющая, во-первых, приобретает принципиально новые формы репрезентации и, во-вторых, становится все более значимой.

Глава 7

МОРАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ: МЕЖДУ УНИВЕРСАЛЬНЫМИ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫМИ СПОСОБАМИ ОБОСНОВАНИЯ

7.1. Универсальные и контекстуальные способы обоснования

В зависимости от того, на какую аудиторию рассчитано воздействие аргументации, все основные способы ее проявления делят на универсальные и контекстуальные. Универсальная аргументация применима в любой аудитории и включает в себя: прямое подтверждение, косвенное эмпирическое подтверждение, разнообразные способы теоретической аргументации. В свою очередь, контекстуальная аргументация эффективна в определенной аудитории. Контекстуальные способы аргументации охватывают аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и вкусу и др. Граница между универсальной и контекстуальной аргументацией относительна. Способы аргументации, являющиеся на первый взгляд универсально приложимыми, могут казаться неэффективными в конкретной аудитории, и, наоборот, некоторые контекстуальные аргументы, подобные аргументам к традиции или интуиции, могут казаться убедительными едва ли не в любой аудитории.

Универсальная аргументация иногда характеризуется как рациональная, а контекстуальная — как нерациональная или даже как иррациональная. По мнению профессора Ивина Александра Архиповича, такое различие не является оправданным, оно резко снижает сферу рационального, исключая из нее большую часть гуманитарных и практических рассуждений, немислимых без ис-

пользования «классики» (авторитетов), продолжения традиции, апелляции к здравому смыслу, вкусу и т. п.*

Человек погружен в историю, особенности и горизонты его мышления определяются эпохой. Историческое сознание должно включать принятие контекстуальной аргументации как необходимого составного элемента рационального рассуждения. Применительно к моральной аргументации универсальные и контекстуальные аргументы соотносятся следующим образом: если расположить все способы аргументации на континууме от предельно универсальных до строго контекстуальных, то центр тяжести моральной аргументации будет смещен от центра этого континуума в сторону контекстуальных способов обоснования. Для моральной аргументации огромное значение имеют аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и здравому смыслу.

Универсальная аргументация входит в состав морального рассуждения на уровне этических и метаэтических дискурсов в рамках проявления преимущественно дескриптивных свойств моральных суждений, т. е. на уровне рассуждений по поводу описания, истолкования моральных норм, моральных принципов, моральных доктрин, этических теорий или концепций. Чем глубже моральная аргументация погружается в культурные пласты повседневной жизни, тем сильнее проявляются ее контекстуальные свойства и одновременно прескриптивный характер, т. е. если моральная аргументация напрямую связана с действием, поступком, реализацией моральных норм и принципов, то контекстуальные аргументы становятся более актуальными, чем универсальные.

7.2. Аргументы к традиции и авторитету как основа моральной аргументации

Из всех контекстуальных аргументов наиболее употребимым и значимым является аргумент к традиции. По сути, ссылка на традицию в свернутом виде содержится во всех контекстуальных аргумен-

* См.: *Ивин А. А. Основы теории аргументации : учебник.* М., 1997. С. 105.

тах. Профессор А. А. Ивин полагает, что признаваемые авторитеты, интуиция, вера, здравый смысл, вкус и т. п. формируются исторической традицией и не могут существовать независимо от нее*.

Чуткость аудитории к приводимым аргументам в значительной мере определяется разделяемыми ею традициями. Традиция закрепляет те общие допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным. Она представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образцов, норм, правил и т. п., которыми руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей вплоть до общества в целом. Наиболее популярные традиции, как правило, не осознаются в качестве таковых. Традиции имеют отчетливо выраженный двойственный, описательно-оценочный, характер. В них аккумулируется предшествующий опыт успешной деятельности, и они оказываются своеобразным его продолжением. В то же время традиции представляют собой своего рода проект и предписание будущего поведения, делают человека звеном цепи поколений, пишет А. А. Ивин**.

Существуют две крайние позиции в оценке роли традиции в жизни общества: традиционализм (доминирует в обществах коллективистского типа, к которым относятся средневековое феодальное общество, тоталитарные общества XX века, восточная деспотия) и антитрадиционализм. Первая позиция исходит из убеждения, что практическая мудрость по-настоящему воплощена в делах, а не в писаных правилах, и в этом случае традиция выше разума. Антитрадиционализм, напротив, считает традицию предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума. Аргумент к традиции (некий социальный консерватизм) является неотъемлемой составляющей не только исторических типов общества, но и всех современных типов общества.

Однако активное развитие в современном мире науки, научного образования, т. е. образования, основанного на трансляции научных знаний, и развитие соответствующего типа личности и общества приводит к тому, что аргумент к традиции постепенно вытесняется

* См.: Ивин А. А. Основы теории аргументации. С. 105–106.

** Там же. С. 126.

иными способами аргументации. В условиях, когда новаторство, инновационный тип мышления, реальные преобразования становятся ядром цивилизационного процесса, аргументы к традиции вытесняются, с одной стороны, в сферу предельно общих метатеоретических и метафизических обоснований, транслируются на уровне принятия контекстуальной рамки дискуссии, рассуждения, а с другой стороны, вытесняются из публичной сферы, уступая место универсальной аргументации, в области, где доминируют дискурсы повседневного рассуждения, обсуждения, оценки.

В публичной сфере аргумент к традиции все больше приобретает латентную форму, завуалирован, неявен, используется как рычаг воздействия, скрытый за ширмой универсальной аргументации, и только в специализированных сферах общественной жизни (церковь, армия, политические партии) он сохраняет свои прежние позиции.

Х.-Г. Гадамер отмечает: «Авторитет, если он занимает место собственных суждений, и в самом деле становится источником предрассудков. Однако это не исключает для него возможности быть также источником истины; эту-то возможность и упустило из виду Просвещение»*. К традиции как разновидности авторитета относится все, что касается авторитета вообще: «То, что освящено преданием и обычаем, обладает безмянным авторитетом, и все наше историческое конечное бытие определяется постоянным господством унаследованного от предков — а не только понятого на разумных основаниях — над нашими поступками и делами»**. В значительной степени благодаря обычаям и преданию существуют нравы и этические установления. Все попытки основать систему морали на одном разуме остаются абстрактными. «Критическое сознание, — пишет А. А. Ивин, — начиная с Декарта, много раз обращалось к проблеме “рационально обоснованной” системы морали, но, в сущности, ничего или почти ничего не достигло»***.

* Цит. по: *Ивин А. А. Основы теории аргументации.* С. 133.

** Там же.

*** Там же.

ТЕМЫ, ЗАДАНИЯ И ВОПРОСЫ ДЛЯ СЕМИНАРОВ

Тема 1. Нравственность и рациональность

1. Прочитайте статью А. А. Гусейнова «Мораль как предел рациональности». Нарисуйте схему основных представленных в ней идей.

2. Изучите предисловие к сборнику научных трудов «Мораль и рациональность» (с. 3–8). Законспектируйте (скопируйте) основные представленные в нем идеи.

3. Дайте определение понятиям «мораль», «нравственность» и «рациональность». Как они связаны между собой?

4. Как вы считаете, требует ли добро оправдания, требуют ли нравственные добродетели рационального обоснования? Поясните свою точку зрения.

Литература

Гусейнов А. А. Мораль как предел рациональности / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. — 2012. — № 5. — С. 4–17.

Мораль и рациональность : сб. ст. / под ред. Р. Г. Апресяна. — Москва : ИФ РАН, 1995. — 197 с. — ISBN 5-201-01885-8.

Тема 2. Мышление и речь

1. Прочитайте предисловие, главу 1, главу 4 и главу 7 из книги Л. С. Выготского «Мышление и речь». Познакомьтесь в той же

книге со статьей И. В. Пешкова «Еще раз “Мышление и речь”, или О предмете риторики».

2. Прокомментируйте рассуждения Л. С. Выготского об исследовательском процессе. Чему посвящено его исследование? Какие особенности его работы делают данное исследование наиболее ценным?

3. Что такое мышление? Что такое речь? Как они связаны между собой?

4. Каковы этапы развития человеческого мышления? Охарактеризуйте каждый из них. Каким образом развитие мышления зависит от развития речи?

5. Какое отношение исследование Л. С. Выготского имеет к риторике и теории моральной аргументации?

6. Сформулируйте три наиболее важных, на ваш взгляд, вопроса, которые требуют обсуждения наряду с предложенными выше вопросами.

Литература

Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — 5-е изд., испр. — Москва : Лабиринт, 1999. — 352 с. — ISBN 5-87604-097-5.

Пешков И. В. Еще раз «Мышление и речь», или О предмете риторики / И. В. Пешков // Там же. — С. 341–347.

Тема 3. Мир, язык и мышление

1. Прочитайте статьи А. Н. Леонтьева и Л. Леви-Брюля. Дайте ответы на следующие вопросы.

2. Как, по-вашему мнению, связаны между собой мир, язык и мышление человека?

3. Выделите наиболее интересные идеи А. Н. Леонтьева.

4. Назовите основные признаки первобытного мышления.

5. Чем отличается первобытное мышление от современного мышления?

6. Каким образом язык влияет на мировоззрение и мышление человека?

Литература

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — С. 130–140.

Леонтьев А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. — Москва : Педагогика, 1983. — Т. 2. — С. 251–261.

Тема 4. К вопросу о создании миров

1. Прочитайте работу Н. Гудмена «Способы создания миров». Отобразите основные идеи автора на схеме.

2. Изучите реферативный перевод книги Дж. Сёрла «Конструирование социальной реальности». Выпишите наиболее интересные идеи автора. Соотнесите содержание данной книги с работой Н. Гудмена.

3. В чем сходство и различие подходов Н. Гудмена и Дж. Сёрла?

4. Как названия работ этих авторов соотносятся с материалами предшествующего семинара?

5. Какое отношение сформулированные авторами идеи имеют, на ваш взгляд, к теории моральной аргументации?

6. Как наше обоснование того или иного поступка (выбора, действия) связано с нашим пониманием ситуации и откуда берется подобное понимание?

Литература

Гудмен Н. Способы создания миров / Н. Гудмен. — Москва : Идея-пресс [и др.], 2001. — ISBN 5-901574-04-4.

Сёрл Дж. Р. Конструирование социальной реальности / Дж. Р. Сёрл ; реф. пер. с англ. А. Романовой // PSyberLink : Психологическая сеть российского интернета : [сайт]. — URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/searle.htm> (дата обращения: 16.09.2021).

Тема 5. Концепция языковых игр Л. Витгенштейна и теории моральной аргументации

1. Прочитайте статью М. С. Козловой «Идея “языковых игр”» из сборника «Философские идеи Людвига Витгенштейна». Познакомьтесь с работой Л. Витгенштейна «Философские исследования»: пролистайте эту книгу; прочитайте столько тезисов Л. Витгенштейна, сколько вам будет по силам; постарайтесь ощутить стиль его философствования.

2. Изучите статью Э. Монтефиоре «Личная тождественность, культурная тождественность и моральное рассуждение» из сборника «Мораль и рациональность» (с. 136–158).

2.1. Выделите наиболее интересные идеи автора, подготовьтесь к их обсуждению.

2.2. Найдите точки соприкосновения и концептуальные параллели в рассуждениях Л. Витгенштейна и Э. Монтефиоре.

3. Посмотрите художественный фильм «Запах женщины» (США, 1992) с Аль Пачино в главной роли.

3.1. Какие языковые игры представлены в данной киноленте?

3.2. Покажите на примере фильма, как наше обоснование того или иного поступка (выбора, действия) связано с нашим пониманием ситуации и откуда берется подобное понимание.

3.3. Как мы приходим к взаимопониманию с другими людьми в вопросах оправдания, обоснования, интерпретации ценностной подоплеку той или иной стратегии поведения (конкретного выбора, поступка, решения и т. п.)?

Литература

Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. — Москва : АСТ, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-17-107308-4.

Мораль и рациональность : сб. ст. / под ред. Р. Г. Апресяна. — Москва : ИФ РАН, 1995. — 197 с. — ISBN 5-201-01885-8.

Философские идеи Людвига Витгенштейна / ред. М. С. Козлова. — Москва : ИФ РАН, 1996. — 171 с. — ISBN 5-201-01902-1.

Тема 6. Английский этический интеллектуализм

1. Изучите книгу О. В. Артемьевой «Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв.».
2. Выпишите основные концепции, принципы и понятия этического интеллектуализма.
3. Охарактеризуйте влияние данного направления на развитие теории моральной аргументации.

Литература

Артемьева О. В. Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. / О. В. Артемьева. — Москва : ИФ РАН, 2011. — 196 с. — ISBN 978-5-9540-0194-5.

Тема 7. Традиционализм и контекстуальная аргументация

1. Изучите главу 4 «Контекстуальная аргументация» из книги А. А. Ивина «Основы теории аргументации» (с. 123–175).
2. Выделите (или выпишите) наиболее интересные мысли автора.
3. Нарисуйте схему основных видов контекстуальной аргументации, покажите на схеме, как они связаны с моральной аргументацией.
4. Приведите примеры использования охарактеризованных А. А. Ивиным видов контекстуальных аргументов в моральной аргументации.
5. В каком контексте подобные аргументы оказываются наиболее востребованными и почему?

Литература

Ивин А. А. Основы теории аргументации : учебник / А. А. Ивин. — Москва : ВЛАДОС, 1997. — 352 с. — ISBN 5-691-00009-8.

Тема 8. Этико-рефлексивная составляющая социального действия

1. Прочитайте статью М. Вебера «Основные социологические понятия». Дайте ответы на следующие вопросы.
2. Какие социологические понятия М. Вебер считает основными? Дайте их общую характеристику.
3. Что такое, по мнению автора, социальное действие?
4. Каковы основные типы социального действия? Приведите примеры каждого из них.
5. Каким образом обсуждаемые М. Вебером идеи вписываются в дискуссию о проблемах моральной аргументации?
6. Дайте интерпретацию феномена моральной аргументации, используя характеризующие М. Вебером социологические понятия и принципы.

Литература

Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Западно-европейская социология XIX — начала XX в. [тексты : учеб. пособие для вузов по направлению и специальности «Социология»] / сост. В. П. Трошкина ; под общ. ред. В. И. Добренкова. — Москва : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. — С. 455–491.

Тема 9. Субъект морали

1. Прочитайте статью Р. Г. Апресяна ««Солилоквия» Шефтсбери: устройство морального субъекта». Ответьте на вопросы.
 - 1.1. Чему посвящен трактат Шефтсбери «Солилоквия, или Совет автору»?
 - 1.2. Что такое «солилоквия»?
 - 1.3. Охарактеризуйте параллель, которую Р. Г. Апресян проводит между учением о солилоквии Шефтсбери и учением о человеке и его духовном возвышении в философии Джордано Бруно.
 - 1.4. Как связаны между собой, по мнению Шефтсбери, моральное чувство и способность человека к солилоквии?

1.5. Что, по мнению Шефтсбери, означает научить(ся) понимать свое Я?

1.6. Что за «магическое зеркало» упоминается Шефтсбери и для чего оно необходимо?

1.7. Каковы условия морального самоопределения личности? В чем суть этого процесса?

2. Ознакомьтесь со статьей Е. В. Агафоновой «Проблема релевантности принципа рациональности в этических теориях». Сформулируйте не менее трех вопросов для обсуждения представленных в статье идей. Выпишите их в рабочую тетрадь.

3. Изучите статью Е. В. Агафоновой, Н. А. Тарабанова и Э. А. Кручинина «Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений». Нарисуйте схему ключевых идей этой статьи.

Литература

Агафонова Е. В. Проблема релевантности принципа рациональности в этических теориях / Е. В. Агафонова // Вестник Томского университета. — 2013. — № 374. — С. 42–48.

Агафонова Е. В. Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений / Е. В. Агафонова, Н. А. Тарабанов, Э. А. Кручинин // Вестник Томского университета. — 2014. — № 380. — С. 48–56.

Апресян Р. Г. «Солилоквия» Шефтсбери: устройство морального субъекта / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. — Москва, 2013. — Вып. 13. — С. 151–174.

Тема 10. Моральная аргументация в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса

1. Прочитайте следующие статьи:

— Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру.

— Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты).

— Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал.

2. Выделите ключевые вопросы для обсуждения каждой из них.
3. Что связывает эти статьи?
4. Соотнесите их с материалами предшествующей темы.
5. Дайте интерпретацию процесса моральной аргументации в свете обсуждаемых в данном контексте идей.

Литература

Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Западно-европейская социология XIX — начала XX в. [тексты : учеб. пособие для вузов по направлению и специальности «Социология»] / сост. В. П. Трошкина ; под общ. ред. В. И. Добренкова. — Москва : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. — С. 455–491.

Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / Ольга Вербилович // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]. — URL: <https://www.hse.ru/org/persons/36529733> (дата обращения: 16.09.2021).

Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру / Юрген Хабермас // Вестник МГУ. — Серия 7. Философия. — 2010. — № 1. — С. 3–14.

Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / Ю. Хабермас // Вопросы социальной теории. — 2007. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 229–245.

Тема 11. Этика дискурса и теория моральной аргументации

1. Прочитайте главу 3 «Этика дискурса: замечания к программе обоснования» из книги Ю. Хабермаса «Моральное сознание и коммуникативное действие» (с. 67–172).
2. Выпишите основные идеи автора, представленные в этой главе.
3. Выделите тезисы, имеющие непосредственное отношение к теме моральной аргументации. Отобразите их на схеме.
4. Сформулируйте основные вопросы, которые, по вашему мнению, требуют обсуждения в данном контексте.

5. Соотнесите изученные материалы со статьей О. Вербилович, которую вы читали в рамках предшествующей темы.

Литература

Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / Ольга Вербилович // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]. — URL: <https://www.hse.ru/org/persons/36529733> (дата обращения: 16.09.2021).

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 380 с. — ISBN 5-02-026810-0.

Тема 12. Моральная аргументация в теории справедливости Дж. Ролза

1. Прочитайте главы 1, 3 и 7 из книги Джона Ролза «Теория справедливости». Подготовьтесь пересказать содержание этих глав.

2. В чем заключается суть концепции Дж. Ролза? Выделите основные понятия, принципы и идеи, обсуждаемые автором.

3. Какое отношение обсуждаемые в книге вопросы имеют к теории моральной аргументации? Дайте развернутый ответ на этот вопрос. Разберите его по пунктам.

4. Что из прочитанного показалось вам наиболее интересным?

Литература

Ролз Дж. Теория справедливости / Джон Ролз ; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. — 2-е изд. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. — 536 с. — ISBN 978-5-382-01051-9.

Тема 13. Моральное рассуждение

1. Изучите статьи Л. В. Максимова «Аргументация и обоснование в моральном рассуждении» (с. 22–32) и А. А. Ивина «Моральное рассуждение» (с. 33–47) из сборника «Мораль и рациональность».

2. Законспектируйте наиболее важные мысли авторов. Отобразите их на схеме.

Литература

Мораль и рациональность : сб. ст. / под ред. Р. Г. Апресяна. — Москва : ИФ РАН, 1995. — 197 с. — ISBN 5-201-01885-8.

Тема 14. Мораль и право: проблемы аргументации

1. Изучите статью Л. В. Поповой «Моральная аргументация в истории русского судебного законодательства: этнолингвокультурный аспект».

1.1. Выделите наиболее интересные мысли автора.

1.2. Как автор соотносит между собой языковедческий, правовой и этический дискурсы?

2. Прочитайте статью Б. С. Шалютина «Мораль, право и ложь».

2.1. В чем заключается основная идея статьи?

2.2. Как, по мнению автора, соотносятся между собой право и мораль?

2.3. Напишите краткую рецензию на данную статью.

3. Самостоятельно найдите в философских или энциклопедических словарях определения морали и права.

3.1. Соотнесите эти понятия. В чем заключается сходство и различие между ними?

3.2. Какие подходы к согласованию морали и права вам известны?

3.3. Вспомните подходы к этой проблеме П. А. Сорокина и Л. И. Петражицкого.

4. Посмотрите художественный фильм «55 шагов» (Германия, Бельгия, 2005).

4.1. Как в фильме соотносятся между собой плоскости морали и права?

4.2. Как это соотношение проявляется в процессе моральной аргументации героями своих решений, поступков, стремлений?

Литература

Попова Л. В. Моральная аргументация в истории русского судебного законодательства: этнолингвокультурный аспект / Л. В. Попова // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. — 2017. — № 2 (12). — С. 95–98.

Шалютин Б. С. Мораль, право и ложь / Б. С. Шалютин // Этическая мысль. — 2016. — Т. 16. — № 1. — С. 93–111.

ТЕМЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ ДОМАШНИХ РАБОТ

Самостоятельная работа 1

Моральное познание и моральная аргументация

Руководствуясь приведенными ниже вопросами, напишите эссе (объем работы 3–7 страниц, 14-й шрифт, полуторный интервал, поля стандартные). Образец выполнения работы представлен в приложении, пример 1.

1. Что такое моральное познание? Каким образом оно проявляется в жизни человека и общества?

2. Как в моральном познании задействуются процессы моральной аргументации?

3. Каким образом для интерпретации этих процессов можно задействовать:

- идеи Л. С. Выготского о соотношении языка и мышления;
- представления современных исследователей о проблеме категоризации (об участии языка и мышления в конструировании социальной реальности);
- концепцию языковых игр Л. Витгенштейна?

Литература

Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. — Москва : АСТ, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-17-107308-4.

Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — 5-е изд., испр. — Москва : Лабиринт, 1999. — 352 с. — ISBN 5-87604-097-5.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шагуновского. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — ISBN 5-94457-129-2.

Самостоятельная работа 2
**Анализ моделей моральной аргументации
на примере художественного фильма
«Джентльмены удачи» (СССР, 1971)**

1. Посмотрите художественный фильм «Джентльмены удачи» (СССР, 1971).

2. Проанализируйте наиболее интересные из представленных в нем примеров моральной аргументации.

3. Напишите на этой основе эссе (объем работы 3–7 страниц, 14-й шрифт, полуторный интервал, поля стандартные). Образец выполнения работы представлен в приложении, пример 2.

Самостоятельная работа 3
Моральные дилеммы

На основе предложенных заданий напишите эссе (объем работы 3–7 страниц, 14-й шрифт, полуторный интервал, поля стандартные). Образец выполнения работы представлен в приложении, пример 3.

1. Прочитайте статью А. В. Разина «Моральные дилеммы» и опишите феномен моральной дилеммы своими словами.

2. Приведите пример моральных дилемм, с которыми прикладному этику приходится иметь дело в своей профессиональной деятельности.

3. Предложите решение проблемной ситуации, связанной с дилеммой (или с несколькими дилеммами) из приведенного примера.

Литература

Разин А. В. Моральные дилеммы / А. В. Разин // Вестник РУДН. — Серия: Философия. — 2014. — № 2. — С. 66–82.

Самостоятельная работа 4

Влияние морального рассуждения на процессы становления и развития личности (анализ художественного произведения)

1. Выберите художественное произведение (фильм или книгу), в котором хорошо прослеживается влияние морального рассуждения на становление и развитие личности одного или нескольких героев. Проанализируйте этот процесс.

2. Напишите эссе на тему «Влияние морального рассуждения на процессы становления личности» (объем работы 3–7 страниц, 14-й шрифт, полуторный интервал, поля стандартные). Образец выполнения работы представлен в приложении, пример 4.

Самостоятельная работа 5

Подготовка к аудиторной письменной контрольной работе «На перепутье логики, риторики и нравственной философии»

1. Изучите главу 10 «Достаточные основания» из книги А. А. Ивина «Искусство правильно мыслить».

2. Соотнесите содержание этой главы с материалами курса. Обратите внимание на вопросы, касающиеся отношения ее содержания к проблемам моральной аргументации, обсуждавшимся при изучении курса.

Литература

Ивин А. А. Искусство правильно мыслить / А. А. Ивин. — 3-е изд. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 308 с. — ISBN 978-5-4475-4573-4.

ПРИМЕРНЫЕ ВОПРОСЫ ДЛЯ ЭКЗАМЕНА

1. Мораль и общественное благо. Этика и теория аргументации.
2. Теория аргументации: понятие, предмет исследования и этапы развития.
3. Этика и теория аргументации. Моральные основания теории аргументации.
4. Пределы разума в моральной теории. Вопрос о логических основаниях этики как раздела философского знания.
5. Теория моральной аргументации в Античности и Средневековье.
6. Софисты о роли и предназначении теории аргументации. Этические и праксиологические аспекты античной риторики.
7. Цицерон и его вклад в развитие риторического искусства.
8. Эпоха Возрождения: тенденция к разделению логической и этической составляющих теории аргументации.
9. Эпоха Просвещения: моральная аргументация в теории общественного договора.
10. Классический идеал рациональности и его влияние на развитие теории аргументации. Противопоставление логического и этического знания.
11. Свобода от оценки: противопоставление логического и этического в научном познании Нового времени.
12. Неклассические тенденции развития теории моральной аргументации.
13. Синтез логической и этической составляющих в современной философской и научной аргументации.

14. Основные сферы применения современной теории аргументации.

15. Гносеологический и праксиологический аспекты теории моральной аргументации.

16. Пределы разума в моральной теории.

17. Рациональное и иррациональное в поведении человека.

18. Моральное рассуждение. Проблема соотношения правды и истины.

19. Аргументация и обоснование в моральном рассуждении.

20. Личная тождественность, культурная тождественность и моральное рассуждение. Нарративный компонент личной и коллективной идентичности.

21. Обоснование критериев морального действия. Основные типы и структура моральных аргументов.

22. Логика моральной аргументации. Обоснование социального действия.

23. Образ жизни как контекст аргументации. Различие образов жизни и моральный плюрализм. Ценностный компонент моральной аргументации. Эмотивизм и теория моральной аргументации.

24. Нормативные модели моральной рациональности. Принцип индивидуальной ответственности.

25. Моральная интуиция. Моральное чувство. Моральное рассуждение. Проблема соотношения правды и истины.

26. Моральная ответственность и проблема критериев добродетели. Обоснование критериев морального действия.

27. Язык морали. Субъект и объект моральной аргументации.

28. Моральный плюрализм и ответственность субъекта социального действия.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонова Е. В. Проблема релевантности принципа рациональности в этических теориях / Е. В. Агафонова // Вестник Томского университета. — 2013. — № 374. — С. 42–48.

Агафонова Е. В. Проблема субъекта моральной компетенции: характер моральной идентичности как основание принятия решений / Е. В. Агафонова, Н. А. Тарабанов, Э. А. Кручинин // Вестник Томского университета. — 2014. — № 380. — С. 48–56.

Апресян Р. Г. «Солилоквия» Шефтсбери: устройство морального субъекта / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. — Москва, 2013. — Вып. 13. — С. 151–174.

Артемьева О. В. Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. / О. В. Артемьева. — Москва : ИФ РАН, 2011. — 196 с. — ISBN 978-5-9540-0194-5.

Бакштановский В. И. Прикладная этика: идея, основания, способ существования / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов // Вопросы философии. — 2007. — № 9. — С. 3–9.

Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. — Москва : ИФ РАН, 1998. — 266 с. — ISBN 5-201-01989-7.

Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Западно-европейская социология XIX — начала XX в. [тексты : учеб. пособие для вузов по направлению и специальности «Социология»] / сост. В. П. Трошкина ; под общ. ред. В. И. Добренъкова. — Москва : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. — С. 455–491.

Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. — Москва : АСТ, 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-17-107308-4.

Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — 5-е изд., испр. — Москва : Лабиринт, 1999. — 352 с. — ISBN 5-87604-097-5.

Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; пер. с нем. ; общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звезгинцева. — Москва : Прогресс, 2000. — 400 с. — ISBN 5-01-004661-X.

Гусейнов А. А. Мораль как предел рациональности / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. — 2012. — № 5. — С. 4–17.

Ивин А. А. Искусство правильно мыслить / А. А. Ивин. — 3-е изд. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 308 с. — ISBN 978-5-4475-4573-4.

Ивин А. А. Основы теории аргументации : учебник / А. А. Ивин. — Москва : ВЛАДОС, 1997. — 352 с. — ISBN 5-691-00009-8.

Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике : учеб. пособие / Б. Г. Капустин. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=135773> (дата обращения: 24.06.2014).

Кудряшов И. С. Типы этического знания в историко-философских исследованиях / И. С. Кудряшов // Вестник НГУ. — Серия: Философия. — 2009. — Том 7. — Вып. 4. — С. 85–89.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — ISBN 5-94457-129-2.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — С. 130–140.

Леонтьев А. Н. Образ мира / А. Н. Леонтьев // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. Москва : Педагогика, 1983. — Т. 2. — С. 251–261.

Мораль: разнообразие понятий и смыслов : сб. науч. трудов. К 75-летию академика А. А. Гусейнова. — Москва : Альфа М, 2014. — 448 с. — ISBN 978-5-98281-378-7.

Мораль и рациональность : сб. статей / под ред. Р. Г. Апресяна. — Москва : ИФ РАН, 1995. — 197 с. — ISBN 5-201-01885-8.

Ницше Ф. Утренняя заря : Мысли о моральных предрассудках / Ф. Ницше. — Москва : Академический проект, 2008. — 334 с. — ISBN 978-5-8291-0942-4.

Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка / Ж. Пиаже. — Москва : Академический проект, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-8291-1832-7.

Попова Л. В. Моральная аргументация в истории русского судебного законодательства: этнолингвокультурный аспект / Л. В. Попова // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. — 2017. — № 2 (12). — С. 95–98.

Разин А. В. Моральные дилеммы / А. В. Разин // Вестник РУДН. — Серия: Философия. — 2014. — № 2. — С. 66–82.

Ролз Дж. Теория справедливости / Джон Ролз ; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. — 2-е изд. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. — 536 с. — ISBN 978-5-382-01051-9.

Философские идеи Людвиг Витгенштейна / ред. М. С. Козлова. — Москва : ИФ РАН, 1996. — 171 с. — ISBN 5-201-01902-1.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 380 с. — ISBN 5-02-026810-0.

Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру / Юрген Хабермас // Вестник МГУ. — Серия 7. Философия. — 2010. — № 1. — С. 3–14.

Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / Ю. Хабермас // Вопросы социальной теории. — 2007. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 229–245.

Шалютин Б. С. Мораль, право и ложь / Б. С. Шалютин // Этическая мысль. — 2016. — Т. 16. — № 1. — С. 93–111.

ПРИМЕРЫ ВЫПОЛНЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Пример 1

Самостоятельная работа 1 **Моральное познание и моральная аргументация**

Ракетская Анастасия
гр. УГИ-376002

Мораль дает человеку необходимую информацию о нравственных нормах и ценностях, о должном поведении и правилах общения. Моральное познание главным образом можно трактовать не как познание или исследование чего-либо в гносеологическом контексте, а как понимание моральных идей, нахождение определенных смыслов. Интерпретация явлений моральной жизни — это область личностного истолкования нравственности, уходящая в глубокий субъективизм. Впрочем, моральное познание и не претендует на первенство в объективности. Моральное познание имеет два локуса направленности: в первом случае оно обращено на социальную действительность, во втором — на нормы поведения, моральные взгляды и оценки, характеризующие ту или иную среду. В моральном познании определяющую роль играют чувства, вера, интуиция, в отличие от научного познания, где главную роль играет разум. Объектом морального познания является мысленное содержание другого субъекта, которое включает его личные установки, ценности, ориентиры. Главным образом, чтобы достичь этого мысленного

содержания другого, культуры, нам необходимо понимание. Чтобы постичь ценности другого, понять их, нам приходит на помощь дискурс, осуществляемый с помощью языка.

Надежды, ценности, ориентиры другого, а также культуры мы находим, непосредственно находясь в процессе аргументации. Аргументация помогает выстроить траекторию движения мысли в «жизнь» и достроить своеобразный мост от одного полюса к другому (если говорить в более простом контексте, от одного человека к другому). Здесь нам приходят на помощь идеи Л. С. Выготского о соотношении языка и мышления. Выготский считал, что свою определенность слово получает через мышление, но смыслы, несомые словом, представлены в способах и формах его осуществления. Поэтому не мышление, а реальная жизнеосуществляющая практика человека порождает слово. Слово представляет субъекту речи то, что есть в реальности, тем самым содержит идеальное определение, несет смысл этой реальности и фиксирует содержание. С изменением содержания реальности меняется и слово. Слово несет образ действительности, но оно не ответственно за этот образ. Образ порождается деятельностью субъекта. Порожденный в деле образ лишь раскрывается словом в процессах общения. Стихийный процесс формирования и развития человеческой субъективности опосредован языком. Язык, по Выготскому, представлен только в деятельности мышления, движении внутри смыслов, выражающем содержание объективного бытия. Язык как общественно-культурно-историческое образование каждый раз оказывается формой исчезающей, снимаемой самим содержательным составом формой мысли. Иначе, язык, по Выготскому, помогает отразить культурные, индивидуальные и личностные смыслы путем своего воплощения в аргументации, проходя важнейшую стадию мышления. Язык — это главный инструмент морального познания, ведь с его помощью, выражаясь цитатой Ю. Хабермаса, мы можем понять «жизненный мир» другого и «совокупность жизненных миров» определенной культурной эпохи.

Еще одной деталью парадигмы морального познания является концепция языковых игр Л. Витгенштейна. Языковая игра представляет собой единство языка и деятельности целого в процессе

жизни человека. Языковые игры переводят речевую деятельность в плоскость игры, порождают всевозможные миры индивидуального и социокультурного опыта. По мнению Витгенштейна, их — бесконечное множество. Языковые игры могут выражаться в виде речевых оборотов, применения фонетических и морфологических средств, использования синтаксических конструкций, различного рода метафор, сравнений, эпитетов и т. п. Языковые игры — это своего рода ключ к моральному познанию. Смысл, который мы вкладываем в идеи морали, носит субъективный характер. Мы по-разному можем воспринимать термины морали, такие как «добро», «зло», «благо», и по-разному истолковывать их в своей речи, используя те же языковые игры. Один в своей аргументации будет сравнивать добро с волшебником из Изумрудного города, другой — с солнечным светом. И мы не сможем возразить данным моральным агентам, ведь они используют концепцию языковых игр, а значит, воспроизводят мир своего индивидуального опыта. Язык помогает человеку очертить границу своего мира, поэтому в процессе моральной аргументации так или иначе будем сталкиваться с недопониманием собеседника, ведь его интерпретация может не совпадать с нашей. Такова особенность языка, который оформляет индивидуальное мышление каждого. Однако языковые игры могут развить гибкость мышления человека и даже помочь пойти на компромисс, приобщаясь к различным оборотам речи и используя их в практике своего аргументационного опыта.

Современные исследователи, говоря об участии языка в концепции социальной реальности, отмечают, что язык есть также конструкция. Она существует в виде системы и разнообразных подсистем, входящих в нее, и, вступая в мир, люди осваивают эту сложнейшую систему для того, чтобы сосуществовать с другими. Данная система важна не только ввиду ее необходимости для коммуникации, она важна еще и потому, что с ней тесно связано мышление, его высшие формы. Освоение системы языка происходит уникально для каждого из нас, так как любой личностный опыт оригинален и неповторим, поэтому необходимо говорить о языковой личности, которая в любом случае избирательно использует язык в соответствии с особенностями социализации, социальными

ролями, социальным статусом, потребностями и т. д. Тем не менее люди пытаются освоить или выработать некие общие значения, которые позволят им понимать друг друга настолько, насколько этого требует повседневное взаимодействие. Возможны два подхода к конструированию реальности. Согласно первому из них конструкции, созданные нами, нас поработают; язык, с помощью которого мы пытаемся конструировать мир, нас «предает», поскольку завладевает нашим мышлением и мировоззрением. Второй подход предполагает, что конструкции созданы нами для нашего же удобства, подчиняемся мы им лишь потому, что они нас устраивают, а язык, несмотря на его могущество, — лишь инструмент в наших руках. Язык в системе социальной реальности выступает объединяющей силой, поскольку каждая группа людей, принадлежащая определенной культуре, закладывает в него свой сакральный смысл и наделяет собственным содержанием. Язык в данном случае служит способом «помириться с непознанностью мира». Каждому человеку, живущему в социуме, необходимо, чтобы его понимали. Таким образом, язык выступает связующим звеном в процессе коммуникации, он дает возможность понять другого и быть понятым. Поэтому возникает потребность в организации мира с помощью типизаций, ритуалов, традиций, важнейшим из которых является язык. Так мы искусственно (но с помощью естественных средств) создаем социальную реальность. Но вернемся к моральному познанию. Определенное понимание моральных норм закреплено в каждой культуре, и в процессе аргументации, когда человек ссылается на эти нормы, «нормальные» для его общества, он использует язык. Приобщаясь к языку определенной культуры, мы приобщаемся и к нормам, традициям, ценностям этой культуры.

Подводя итог, хочется отметить, что моральные понятия, а точнее, смысл, который мы в них вкладываем, будет зависеть от культуры и языка. Также будет отличаться и характер моральной аргументации, ее способ в различных культурах и языковых сообществах. Поэтому только в процессе коммуникации мы можем достичь понимания жизненного мира другого человека, другой культуры, и чем чаще мы будем это делать, тем шире будет наше моральное познание, а также «морально-нравственный горизонт».

Самостоятельная работа 2
**Анализ моделей моральной аргументации на примере
художественного фильма «Джентльмены удачи» (СССР, 1971)**

Щенина Дарина
гр. УГИ-376002

Моральная аргументация — это не просто феномен из какой-то книги, это то, что окружает нас повсеместно: мы находим примеры в реальной жизни, сталкиваясь с трудностями, переживаем за выбор героев в книге, ну и, конечно же, мы можем встретить моральную аргументацию в фильмах. Сегодня речь пойдет о старом, добром советском фильме «Джентльмены удачи» Александра Серого.

Евгений Трошкин — ключевой персонаж сюжета. Скромный директор детского сада, который в свои уже немолодые годы все еще живет с мамой. Стены их квартиры украшены фотографиями «питомцев», воспитанников детского сада. И когда Евгению Ивановичу предлагают ввязаться в авантюру, хоть и полезную для общества, он встает перед моральным выбором, применяя моральную аргументацию. Так как этот человек очень ответственный и считает своим долгом служение детям, ему трудно согласиться помочь доблестной милиции. Его аргументация сводится к фразам наподобие: «У меня же дети... я не могу», «А как же дети?! На носу Новый год, нам нужно готовиться!» На первый взгляд, конечно, это похоже на отговорки, но если заглянуть глубже в личность героя, то можно понять, что он действительно переживал и решал для себя дилемму. Ответственность за его деятельность не давала ему покоя, но в итоге все же он решил быть добропорядочным гражданином и помочь своей стране.

А вообще, четко ясна одна вещь: у Евгения Ивановича неисправимый синдром «училки» или — мой термин — «синдром мамы-утки». Такие люди видят во всем добро, пытаются всех перевоспитать, сделать лучше, а еще у них стремление к тотальному контролю.

Во многом с этими его особенностями в дальнейшем и будет связана моральная аргументация.

Один из первых уроков перевоспитания мы наблюдаем во фрагменте с игрой в карты. Трошкин возмущен отвратительным поведением своих «подопечных», обыгравших наивного мужчину. Первым делом он обращается к мужчине, оставшемуся «в неглиже». В качестве морального аргумента выступает фраза «Стыдно! Стыдно, товарищ, стыдно!». Профессиональная деформация — даже со взрослыми общение протекает в форме поучения и пристыживания. Однако этот **аргумент взывает к совести**, напоминая о ценностях, статусе, возрасте мужчины.

«Все склоки прекратить! Не играть! Не пить! Не воровать! Жаргон и клички отменить!» — так он отчитывает своих «сообщников». В его репликах, по сути, можно увидеть некоторые черты схожести с христианскими заповедями, которые учат нас не поддаваться чревоугодию, прелюбодейству и другим вещам, а быть источником уважения, любви, преданности. Эта моральная **аргументация является отсылкой к традициям**, она имеет крепкие корни и солидный авторитет. Тем самым Евгений Иванович отправляет напарников к истокам нравственности и морали.

Интересен такой диалог директора детского сада и следователя:
«— Говорят, за побег 3 года дают?

— Да, все верно...

— Я ТРЕБУЮ, чтобы на моих это не распространялось!

— Это само собой!»

Ключевым здесь, на мой взгляд, является слово **МОИХ**. Трошкин как бы берет под опеку и надзор своих товарищей, ручается за них. Моральный аргумент в виде действия, наверное, самый сильный, ведь один поступок стоит тысячи слов.

Самый трогательный момент фильма — разговор Хмыря и Евгения Ивановича. Хмырь, глядя в окно, с грустью вспоминает о своей жене. Герой Леонова спрашивает, умерла ли его жена, а Хмырь отвечает: «Нет, это я умер». В этой парадоксальной фразе заключен глубокий смысл: в ней речь идет именно о моральной смерти, о падении нравственности, и, думаю, как таковой мораль-

ной аргументацией здесь будет сам факт рефлексии, осознания Хмырем своего поведения. А если он это осознал, *может быть, еще не все потеряно?*

На протяжении всего фильма мы видим *яркую языковую игру*. Я бы назвала эту игру «Детский сад». Это замечания Трошкина, как для малых детей, «Руки мыть», «Ничего не трогать», «Стыдно!», жалобы и стукачество друг на друга среди поделщиков, например, от Косого: «А он еще губной помадой голую женщину на стекле нарисовал!» Возможно, эти фразы и аргументы говорят о некоторой незрелости преступников.

Еще одна языковая игра — «Блатной жаргон». У преступников тоже есть своя мораль, свои законы и, что самое главное, своя иерархия. Морально то, что говорит главарь. И каким бы ни был добрым человеком Евгений Иванович, в банде он сейчас — главарь, заядлый вор Доцент, имеющий авторитет и власть. Поэтому пришлось учиться блатным словечкам. Самые сильные моральные аргументы в данном контексте: «Пасть порву», «Моргалы выколю», «Редиска».

Фильм заканчивается как-то по-доброму, по-семейному. Преступники и внедренный Доцент стали хорошей командой и даже, возможно, семьей. Подарки, поддержка, внимание и добрые слова — вот что слегка растопило сердца и души воров.

Ну, а вообще, фильм вселяет такую добрую надежду на то, что все будет хорошо, *что при хорошем наставнике-друге*, по-настоящему желающем добра, и, конечно, при собственном желании никогда не поздно встать на правильный путь, возрастить в себе мораль. И это будет полезно не только тем, кому явно нужно исправиться, но и тем, кто помогает им на этом пути, ведь это помогает им лучше понять себя и самим стать чуточку человечнее.

Поэтому не стоит пренебрежительно относиться к морали и к моральной аргументации, ведь она есть средство на пути к совершенству.

Самостоятельная работа 3
Моральные дилеммы

Астафьева Ольга
гр. УГИ-386002

Ситуации, включающие в себя элемент выбора, затрагивают человеческую жизнь в значительной степени. С детства приходится делать выбор в самых различных областях жизни, будь то выбор того, что съесть на завтрак, или выбор профессии, которой хочешь посвятить свою жизнь. Моральные дилеммы входят в спектр таких ситуаций, но обладают специфическими особенностями, недоступными для ситуации обыденного выбора, сопровождающего нас по жизни. Дилемма приобретает характеристику «моральная», когда человек должен делать выбор, исходя из собственных нравственных принципов и установок. При этом варианты осуществляемого выбора не делятся строго на «хорошо» и «плохо», они имеют двойственный характер, но чаще всего несут именно негативные последствия для действующего субъекта.

В трех основополагающих нормативно-этических теориях феномен моральной дилеммы представлен в различных вариациях. Так, например, для деонтологии ситуация дилеммы не может иметь никаких оснований, так как для действующего субъекта в рамках данной теории существует долг, согласно которому он действует независимо от ситуации. Если рассмотреть ситуацию, при которой человек внутренне свободен сделать выбор в пользу любого из вариантов разрешения ситуации, то, делая его, он нарушает каждое из определений категорического императива, собственно дающего ему свободу морального выбора.

При рассмотрении ситуации моральной дилеммы в рамках теории утилитаризма становятся очевидными положения, на основании которых субъект должен будет сделать выбор: моральное есть то, что приводит к счастью наибольшего количества людей; цель оправдывает средства. Для утилитаризма возможна сама ситуация

моральной дилеммы и ее решения тоже, так как субъект в своем выборе будет исходить из предложенных выше положений и сделать выбор для него не составит труда.

Для аретологии, или этики добродетели, ситуация моральной дилеммы возможна, но изменяется основание для выбора действия: в основе лежат добродетели человеческого существа. Важно учесть, что само стремление человека поступить в соответствии с присутствующими ему добродетелями первично при суждении о пользе либо вреде действия для других. Субъект при осуществлении выбора опирается на значимость действия с точки зрения добродетели.

В статье А. В. Разина «Моральные дилеммы» рассматриваются позиции представителей различных направлений философской мысли. Так, моральные дилеммы признаются с позиции эмпиристов и отвергаются с позиции рационалистов. Со стороны приверженцев эмпиризма представлены рассуждения М. Хаузера о дилемме трамвая, результатом которых становится выявление универсального морального чувства, которым обладают все люди. Сам автор рассматривает данную дилемму и с точки зрения рационализма и приходит к выводу, что путем анализа и логических суждений можно сделать выбор рационально. Мне лично очень импонируют рассуждения автора, в которых происходит усложнение данной моральной дилеммы, когда рациональный анализ заходит в тупик путем включения в нее дополнительного субъекта — кота. С точки зрения нонантропоцентризма, кот также является моральным существом, как и человек, принимающий решение, поэтому в процессе выбора необходимо учесть и опасность для жизни животного. Поэтому, как пишет А. В. Разин, «с одной стороны, жизнь человека ценнее жизни кота. С другой стороны, мы можем рассуждать иначе: почему нужно приносить в жертву жизнь невинного животного, не осознающего опасность нахождения на путях, во имя спасения тех, кто, возможно, просто не выполнил правила техники безопасности?»

Существует также и третья сторона — реализм, согласно которой состояние ума человека, его предрасположения, желания не могут быть основанием предпочтения одного способа действия другому в условиях моральной дилеммы. Моральный реализм, апеллируя к разуму, предполагает, что люди, находящиеся в одинаковых об-

стоятельствах, испытывают одни и те же рационально обоснованные моральные требования, которые в любом случае могут быть универсализированы. В результате ситуация дилеммы описывается как такая, в которой на основе разума нельзя отдать предпочтение тому или иному решению, так как оба моральных выбора оправданы по отношению друг к другу. Здесь я согласна с контраргументами Армстронга относительно частичной универсализации ситуации. Он говорит о том, что отстраниться от всех сопутствующих факторов невозможно, так как человек постоянно находится в ситуации взаимодействия с окружающим его миром. Человек, совершающий моральный выбор на основе своих предпочтений, по словам Армстронга, морально обосновывает свое решение, а также учитывает причиняемое себе и другим зло.

Моральные дилеммы можно обнаружить во многих сферах деятельности человека, и поэтому обществу нужны специалисты, способные помочь разрешить подобные ситуации. Как мне кажется, обширность поля деятельности положительно сказывается на деятельности прикладного этика, так как можно найти наиболее привлекательную для себя сферу: медицина и биоэтика, корпоративная культура, образование, политика, военное дело, киберэтика и т. д.

Рассмотрим современную политику внедрения искусственного интеллекта (далее ИИ) в рабочие процессы компаний. Сейчас данная технология стремительно изучается и активно применяется в различных целях, что подразумевает возникновение споров относительно этичности ее использования, так как эти процессы повлекут за собой и социальные последствия. Так возникает дилемма *технологизации морали*. С одной стороны, ИИ должен быть запрограммирован на определенный минимум морали для обеспечения надежности и безопасности, он должен имитировать мораль, как имитирует интеллектуальные способности человека, а с другой стороны, имитация морали не может быть моралью в принципе. Еще одной дилеммой в этой области можно считать *дилемму ответственности*. С одной стороны, к ИИ не могут быть применимы моральные критерии, и поэтому никто не является ответственным за возможные решения ИИ, а с другой стороны,

так как к ИИ не могут быть применимы моральные критерии, ИИ должен быть предметом постоянного этического контроля.

Рассмотрим дилемму из сферы спорта. В 2018 году на Паралимпийских играх в Пхёнчхане спортсменам из России было разрешено участвовать только в нейтральном статусе. При этом на самих Играх даже болельщикам было запрещено использовать символику страны, представители которой имели нейтральный статус. В данном случае имеет место *дилемма чести*: с одной стороны, можно выступать под нейтральным флагом, не имея возможности представлять свою страну в национальных цветах, но проявить патриотизм, а с другой стороны, можно бойкотировать Паралимпиаду и вообще потерять возможность выступить на Играх. Отягощающим фактом становится психоэмоциональное состояние спортсменов, не имеющих возможности проявить патриотизм и ощутить поддержку со стороны болельщиков, которым тоже было запрещено использовать символику страны.

Я бы хотела рассмотреть третью предложенную мной дилемму — дилемму чести. Если рассматривать данную дилемму с точки зрения деонтологии, то спортсмену стоит отдать предпочтение первому варианту, а именно выступать в нейтральном статусе, так как в основе этого варианта лежит долг перед Родиной. Он не может позволить своему эмоциональному состоянию препятствовать исполнению долга олимпийского спортсмена, представляющего свою страну. Если рассматривать данную дилемму с точки зрения аретологии, то спортсмену стоит взглянуть на имеющийся выбор с точки зрения присущих ему добродетелей, а именно благоразумия. Так, разумным вариантом является поехать на Паралимпиаду в нейтральном статусе и выступить там с честью и достоинством. С точки зрения утилитаризма, верным также является первый вариант разрешения данной моральной дилеммы, так как от выступления спортсмена зависит польза для наибольшего числа людей, авторитет страны в данном случае. Каждая нормативно-этическая теория в данном случае предполагает выступление спортсмена, и это наиболее верный в данном случае вариант, так как следует учитывать и масштаб проводимого мероприятия. Но я не отвергаю аргумент Армстронга, согласно которому на разных спортсменов

могут повлиять обстоятельства в разной степени, и тогда один примет решение, исходя из здравого смысла и собственных убеждений, а другой не сможет совладать со своими эмоциями и предпочтет объявить бойкот.

Таким образом, ситуации моральных дилемм являются областью личного выбора человека как субъекта морали и моральных отношений с другими. Существование различных подходов к объяснению природы моральных дилемм и точек зрения относительно возможности существования моральных дилемм вообще не означает их отсутствия в повседневной жизни и в практической деятельности человека. Человек адекватно организует свою жизнь в обществе, при совершении морального выбора ему следует учитывать свои собственные принципы, причиняемое себе и другим зло, возможные последствия.

Пример 4

Самостоятельная работа 4

Влияние морального рассуждения на процессы становления и развития личности (анализ художественного произведения)

Ляхова Полина
гр. УГИ-386002

Одна из любимых историй моего детства — книга Джона Толкина «Властелин Колец». Для меня этот роман является потрясающей сказочной историей, повествующей о захватывающих приключениях и мифических чудесах в сочетании с философскими и нравственными вопросами. Эта книга о геройстве, о настоящих поступках, демонстрирующих настоящую любовь и торжество добра над злом. Героям приходится столкнуться с множеством проблем — проблемами выбора, свободы личности, противостояния судьбе, ответственности личности за свою и чужую жизнь и т. д. У каждого героя в книге своя ноша, своя обязанность, свое предназначение, но вместе они делают одно дело.

Большинство читателей уверены, что главным героем «Властелина Колец» является Фродо Бэггинс. Он проходит главный квест истории, он несет ношу, он в центре событий. Но для меня истинным героем является Сэм Гэмджи. Чтобы проследить нравственный путь героя, я приведу цитату, где четко формулируется мораль героя. Он рассуждает: «Мы словно в легенде очутились, мистер Фродо, в одной из тех, что берет за душу. В ней столько страхов и опасностей, порой даже не хочется узнавать конец, потому что не верится, что все кончится хорошо. Как может все стать по-прежнему, когда все так плохо?! Но в конце все проходит... Даже самый непроглядный мрак рассеивается! Грядет новый день! И когда засветит Солнце, оно будет светить еще ярче! Такие великие легенды врезаются в сердце и запоминаются на всю жизнь, даже если ты слышал их ребенком и не понимаешь, почему они врезались... Но мне кажется, мистер Фродо, я понимаю. Понял теперь... Герои этих историй сто раз могли отступить, но не отступили! Они боролись! Потому что им было, на что опереться...

— На что мы опираемся, Сэм?

— На то, что в мире есть добро, мистер Фродо! И за него стоит бороться».

Я вижу в этой цитате трансформацию героя: он из обычного садовника, совершенно не претендующего на титул героя, превращается в участника легенды.

Сэму часто приходилось намного труднее, чем Фродо! Конечно, Фродо должен был нести Кольцо и все тяжелое бремя, связанное с ним, но именно Сэм был опорой Фродо, поддерживал главного героя и заставлял его идти до конца. Сэм постоянно доказывал свою необходимость присутствия в жизненно важном походе. Он бежит за своим любимым хозяином и, хотя не умеет плавать, бросается в реку, чтобы добраться до лодки Фродо, едва не утонув. Когда Фродо спотыкается, Сэм всегда его поднимает. У врат Мории, подземного царства гномов, Сэм первым отреагировал, когда монстр напал на Фродо из озера. Любимый пони Сэма в ужасе убежал, но Сэм не стал его догонять, а поспешил на помощь хозяину и отрубил монстру щупальце. Во время битвы в Чертоге в Мории Сэм убил орка и был ранен в голову. Фродо становился слабее под

бременем Кольца, и Сэм тащил весь багаж сам, готовил еду, стоял на страже по ночам, распределял пищу. Он защищал и заботился о Фродо. И даже когда Голлум промыл мозги Фродо и тот отвернулся от Сэма, Сэм не отвернулся от друга и спас его из лап паучихи Шелоб: он преодолевает свой страх и самоотверженно бросается на ужасного зверя. И когда Сэм обнаруживает, казалось бы, безжизненное тело своего хозяина, он разрывается между желанием остаться рядом со своим павшим другом и знанием того, что Кольцо должно быть уничтожено любой ценой. В конце концов он решает нести Кольцо на Гору Судьбы в одиночку. «Кольцо искушало его, подтачивая волю и разум, рождало безумные фантазии. Вот он, Сэм Скромби, Сэм Могучий, Герой Всего Мира, скачет с пламенным мечом в руке, собирает войска и ведет их на Барад-Дур, вот разошлись тучи, засияло солнце и по велению Сэма Горгоратская долина зазеленела и оделась садами». Надо только надеть Кольцо, объявить себя его хозяином, и все сбудется! В этот роковой час Сэма спасла не только преданность другу и ответственность за судьбы Средиземья. Простой здравый смысл говорил, что он не годится для таких свершений, даже если бы они не были только приманкой врага. Маленький садик вольного садовника, а не сад величиной с королевство — вот что ему нужно. Ему достаточно своих рук, он не привык полагаться на слуг. Позже, когда Сэм узнал, что Фродо жив, он, не раздумывая, отправился спасать своего друга. «Он жив, тебе же сердце подсказывало, что он жив. Не доверяй своей голове, Сэмуайз, это далеко не лучшее, что у тебя есть!» Ближе к концу книги, когда оба персонажа находятся на грани смерти, Сэм буквально несет Фродо вверх к входу в Маунт Дум. Когда они, наконец, оказываются внутри вулкана, Сэм остается сильным и решительным, в то время как Фродо колеблется в последний момент и заявляет, что Кольцо принадлежит ему.

Сэм героичен именно потому, что не думает, что он герой. Он — все то, что он в себе отрицает. Он думает, что он глуп, когда на самом деле он мудр. Он думает, что он слаб, хотя на самом деле он невероятно силен. Он думает, что он трус, когда у него есть беспрецедентная смелость. Он считает себя бременем, когда на самом деле является движущей силой миссии Фродо. Он думает, что делает все

неправильно, хотя на самом деле является тем человеком, благодаря которому квест не сорвался.

Толкин сказал, один или два раза, что он считает Сэма истинным героем своей саги, и по стандартам Толкина он, безусловно, им был. В этой истории есть и другие герои — Арагорн, Леголас, Гимли, Фродо, Фарамир, Эомер, Гамдальф... Но ни один из этих персонажей не является таким скромным, как Сэм — Сэмуайз Гэмджи. Ни один из этих персонажей не думает так же мало о себе, как Сэм, не сомневается в себе и не критикует себя так же несправедливо, как он, но ни один из них не демонстрирует такую же стойкость и мужество перед лицом невзгод, как Сэмуайз. Он идеальный герой, потому что он не думает, что в нем есть героизм. Для него были главными преданность и служение своему хозяину, причем вообще без какой-либо корысти. Сэм был очень скромный, а, как известно, сам автор считал, что героизм и смирение неразрывно связаны. Это то, что делает хороших людей великими! Я попыталась собрать в своей работе все моменты, где, как мне кажется, Сэм руководствовался моральным рассуждением. Да, где-то он поступал не думая, например, тогда, когда бросился в реку за Фродо, не умея плавать, но и это его действие можно морально аргументировать. Фродо — его друг, а Сэм — это тот, для кого нет никаких преград, чтобы помочь важному человеку. В целом, если обратить внимание, то именно слова Сэма можно разбить на цитаты, так как он очень рассудителен в своих высказываниях.

Делая вывод, я хочу сказать, что Толкин через этого героя учит тому, о чем не раз напоминал Экзюпери: «...зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Да, с виду маленький и слабый, Сэм обладает нравственной зоркостью, что и является залогом успеха, казалось бы, безумных миссий героя. В целом многие главные герои наделены данным качеством, ведь им не раз приходится почти вслепую доверять (или не доверять), принимать (или отвергать) помощь встретившихся на их пути. Как говорил Гама (телохранитель короля Теодена), «в сомнительных случаях истинно доблестный муж и воин должен поступать по своему разумению, а не ждать приказа». Уметь доверять и знать, кому доверять, — один

из самых важных нравственных уроков этой книги. Но это возможно, лишь когда сердцу есть на что опереться.

Со злом нужно бороться, но платой за победу может стать твое доброе сердце. У Толкина — как, впрочем, в большинстве мировых религий — активное противостояние злу параллельно разрушает душу героя. Борьба со злом — жертвование собой, но не в смысле реальной гибели, а в смысле перерождения любой чистоты, прикоснувшейся к грязи — пусть и с самыми благородными помыслами. Благие намерения ведут в ад — этот фундаментальный парадокс нашей жизни звучит у Толкина с пронзительно-детской ясностью.

Главная правда толкиновского мифа — это правда о том, что в человеке до сих пор очень мало человеческого, а притязания на божественность обесценивают и эту малость, которая в нем еще есть.

Учебное издание

Медведев Вячеслав Альбертович

ТЕОРИЯ МОРАЛЬНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Учебное пособие

Заведующий редакцией *М. А. Овечкина*

Редактор *В. И. Первухина*

Корректор *В. И. Первухина*

Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

